

ПАНАЕВ И.И.

ОНАГР

Иван Иванович Панаев

ОНАГР

Содержание

#1	0005
ГЛАВА I	0006
ГЛАВА II	0031
ГЛАВА III	0048
ГЛАВА IV	0060
ГЛАВА V	0077
ГЛАВА VI	0100
ГЛАВА VII	0121
ГЛАВА VIII	0136
ГЛАВА IX	0148

Иван Иванович Панаев

ОНАГР

Онагр находится ныне особливо в Татарии, откуда он многочисленными стадами заходит к Индии и Персии. Животное сие бежит чрезвычайно прытко, довольствуется негодною для корма других животных травой; от него происходит ручной или домашний осел. Вывоз на племя ослов в Испанию запрещен под смертною казнию.

"Руководство к Естественной истории" Blumenбаха, переведенное географии учителями Петром Наумовым и Андреем Теряевым.

ГЛАВА I

Утро Онагра. - Любопытный разговор в кондитерской. - Удивительный человек и очаровательная женщина

Раз, два, три... *chasse en avant!*...

Скрипка завизжала. Молодой человек лет двадцати шести, среднего роста, худощавый, с большими глазами навывкате цвета потускневшего олова, с светлыми и редкими волосами до плеч, в плисовом сюртучке, в шелковых полосатых чулках и лакированных башмаках, - выставил правую ногу и двинулся вперед, потряхнув плечами...

Танцевальный учитель улыбнулся нежно, подошел к своему ученику с грацией, взял его за обе руки, носком своего башмака начал расправлять его ноги и заставил его снова повторить шассе. И скрипка снова завизжала... Стенные часы в комнате молодого человека пробили одиннадцать; скрипка спряталась в футляр, танцевальный учитель сделал три шассе вперед, раскланялся, принял от своего

ученика карточный билетик, с достоинством балетного героя, и на цыпочках выскользнул в переднюю.

- Гришка, завиваться! - закричал молодой человек. Через пять минут Гришка, в засаленном сюртуке, с сережкой в ухе, с гребенкой в масляных волосах и с круглыми щипцами в руке, явился перед барином. Гришка воспитывался в цирюльне на Гороховой, в той самой цирюльне, на окне которой золотыми буквами начертано: "Зало для стришки и завифки волос цена 20 ко. се. И выбрить".

Барин развалился на стул перед зеркалом, замурлыкал что-то из "Фенеллы", закинул назад растрепанную голову, и Гришка приступил к своей должности. Три раза охлаждались и три раза раскалялись щипцы; голова барина покрывалась завитками; барин только изредка поморщивался и вскрикивал: "Больно, болван!"

По окончании завивки Гришка отворотил бесконечные рукава сюртука своего, подшитые посконной холстиной, растер на грязных ладонях пятирублевую помаду violette и принялся отделявать голову барина.

- Гришка! помадь пожирнее, да виски фиксатуаром натри, - говорил барин.

Весь в завитках, смотрясь в зеркало и прищуриваясь, барин начал прохаживаться в своем кабинете между стульев и пощелкивать языком.

Комната эта не большая и не маленькая: ярко-пунцовые занавески на окнах, небольшое зеркало на ножках в виде трюмо, мебель двадцатых годов, но расставленная в современном беспорядке; на стенках соблазнительные картинки, дурно литографированные и еще хуже раскрашенные, в пестрых рамках... Везде торчат чубуки, на полу - табачный пепел, на письменном столе - вторая часть какого-то французского романа.

Барину наскучило ходить; он зевнул, протянулся на диване и закричал:

- Гришка!

Гришка явился.

- Трубку!

Барин стал пускать дым кольцами. Это заняло его на несколько минут.

- Гришка!

- Чего-с?

- Тепло сегодня?

- Средственная погода-с.

- Я надена пальто с бобровым воротником.

Слышишь?

- Слушаю-с...

Барин встал с дивана и подошел к окну. Он потянулся и подумал: "Куда бы ехать?"

Потом он начал опять щелкать языком:

- Гришка, афишку!

В четвертый раз барин принялся перечитывать афишку.

"Какой бы жилет мне надеть сегодня, - думал барин, - пестрый полосатый или черный с лиловыми разводами? Вчера я надевал желтый с бронзовыми пуговицами..."

- Гришка! который час?

- Половина второго-с.

- Врешь. Может ли быть только половина второго? Барин пошел в залу и сам посмотрел на часы.

- Черт возьми, в самом деле, еще только половина второго. Гришка!

- Чего-с?

- Заложить в санки гнедую. Куда бы съездить?..

Гришка!

- Что-с?

- Послушай, вели лучше запречь саврасую.

Барин снова подошел к окну и начал барабанить по стеклу пальцами.

- Гришка, одеваться!..

И вот барин оделся. Его сюртук превосходно обрисовывает его талию: правда, он немножко узок ему и жмет под мышками, но, говорят, модные сюртуки все таковы; булавка с огромным камнем зашлифовывает длинные концы его узорчатого галстука; на бархатном жилете, испещренном шелковыми цветами, висит золотая цепь с змеей, у которой красный глаз под яхонт... Кругом его на десять шагов воздух напитан благоуханием от жасминовых духов в соединении с фиалковой помадой. Сверх сюртука он надевает пальто, кончик красного фуляра выпускает из грудного кармана...

Он два раза проехал от Аничкова моста до Адмиралтейства и приказал остановиться у кондитерской... Он очень доволен собой; только одно ему досадно, что черепаховый лорнет никак не держится в его глазе...

"Отчего же он у других держится?.." - подумал молодой человек, вбегая на лестницу кондитерской.

В кондитерских, которые на правой стороне Невского проспекта, проводят время очень весело. Туда господа чиновники из молодых, занимающиеся политикой, оторвавшись от дел, забегают прочитать "Пчелку", залитую шоколадом, и искоса посмотреть на груды слоеных пирожков; там господа офицеры, перевертывая "Инвалид", пьют ликер, затягиваются и гремят шпорами; там скромный негодник с Васильевского острова, обстриженный под гребенку, лицо бессменное, с изумительным терпением, не развлекаясь ничем, прочитывает от начала до конца неизмеримые столбцы иностранной газеты, выпивает свой обычный стакан кофе и уходит, не удостоив никого взглядом; там много и таких господ, которые осматривают вас с ног до головы и только ищут случая, бог их знает для чего, как бы заговорить с вами, а в ожидании этого случая любуются потолком, расписанным в помпейском вкусе; там есть и такие, которые совершенно на дружеской ноге с со-

держателями кондитерских, знают все их семейные тайны, называют по именам всех мальчиков, бегающих с подносами, улыбаются Францу, дружески дерут за ухо Карла и кушают пирожки в долг; там бархатные мебели в грязи и в пятнах, зеркала в пыли и в копоти; там бронза без блеска, цветы без запаха, там чад кухонный, смешанный с чадом табачным...

Войдя в кондитерскую, молодой человек прежде всего посмотрелся в зеркало и поправил свои волосы; потом спросил себе шоколаду, потом сел на стул, придвинул к себе

"Journal des Debats", оттолкнул от себя "Санкт-Петербургские ведомости", потом он уж и не знал, что ему делать.

К счастью, в эту самую минуту в ближайшей комнате послышался резкий свист.

Молодой человек приподнялся, чтоб посмотреть, кто свистит.

Перед ним стоял тоненький, улыбающийся офицер в очках, с белыми эполетами.

- А, мон-шер! - закричал офицер во все горло, так что все читавшие невольно вздрогнули, - бон-жур... Какое на тебе чудесное пальто!

и бобер славный! ты мастер одеваться. Вчера мы всё об тебе говорили с Базилем; он ужасно тебя любит. Какой, братец, славный мальш Базиль! Мы с ним третьего дня в Екатерингоф на тройке ездили.

- На тройке! - возразил молодой человек, - неужто? я на тройке смертельно люблю ездить... Выпьем-ка шоколаду.

- Гарсон! еще чашку шоколаду, - закричал офицер... - Какие, мон-шер, политические интересные новости... ведь я все французские газеты читаю... Тьера сменили, Гизо всё такие речи говорит... Ну, а ты не был вчера в театре... Ах, как Андреянова протанцевала, мон-шер, сальтарелло с Гридлю - прелесть просто! А-га! да вот и наши театралы собираются.

Офицер обратился к двум вошедшим: статскому маленького роста, бледному, одетому с изысканной простотой, со сморщенным лицом ребенка в английской болезни, с движениями старой кокетки среднего сословия, - и к офицеру с золотыми эполетами, довольно плотному и румяному.

- Здравствуйте, господа, - сказали офицер и статский в одно время, один голосом муже-

ственным и твердым, другой немного в нос, протяжно и с какою-то изнеженностью, не совсем понятною в мужчине.

- Отчего же вы меня причисляете к театрам? - спросил последний, обращаясь к офицеру с серебряными эполетами, - я в театре не бываю так часто и, кажется, не волочусь ни за кем. Мне театры наскучили - я слишком много посмотрелся на парижские и венские театры...

Говоря это, он растирал рукою грудь, как будто чувствовал боль в груди.

- Нет-с, да это я не про вас сказал, - отвечал офицер с серебряными эполетами, - я...

- А! это на наш счет, - перебил офицер с золотыми эполетами, - а! понимаем!..

- Уж конечно, после парижских театров на здешние смотреть не захочется, - продолжал офицер с серебряными эполетами, - я ведь будущей весной поеду и в Париж, и в

Лондон, и в Мадрид, везде: меня на казенный счет посылают; ну а если не пошлют на казенный счет, так я на свой поеду. Что ж! я, слава богу, имею состояние хорошее.

- Горькой водки и пирожок! - закричал

офицер с золотыми эполетами.

- Сахарной воды! - сказал статский. Мальчик явился с подносами.

Статский взял стакан с водою, отпил немного, поставил его на стол и посмотрел в лорнет на мальчика.

- Какой хорошенький мальчик, - прошептал он, поправляя свой шейный платок, - какое у него приятное выражение в глазах!

- Сядемте, господа, вон к тому столу, - сказал офицер с золотыми эполетами.

Все уселись у стола.

- А знаете ли? сегодня "Сильфида", - продолжал он, - сегодня все наши в Большом театре.

- А ты уж взял себе билет? - спросил офицер с серебряными эполетами.

- Мне нечего, братец, хлопотать о билете. У нас у всех билеты всегда одни и те же... в первом ряду, с правой стороны. Нам нельзя менять кресла.

- Гм! сакристи!.. - значительно воскликнул молодой человек в завитках и в пальто - герой этого рассказа, - у вас Большой театр на откуп. Вы там славно распоряжаетесь.

- Признаюсь вам, господа, - сказал офицер с золотыми эполетами, - я желал бы, чтоб спектакль продолжался с утра до ночи, только, разумеется, балет, а не другая какая пьеса, - мне это не могло бы наскучить: а то от семи до одиннадцати не увидишь, как и время пролетит.

- Что ж, вы не захотели бы и обедать? - заметил изнеженный статский.

- Почти что так... разумеется, забежал бы в кондитерскую или трактир перекусить чего-нибудь, да тотчас бы опять направо кругом и назад.

- Это для меня непонятно, - сказал статский, прихлебывая сахарную воду, - здешние танцовщицы... они, я думаю, совсем необразованны?

Офицер с золотыми эполетами несколько обиделся и пожал плечами.

- Позвольте вас спросить, что вы называете образованием? По-моему, образование - это вещь такая... о которой всякий... всякий судит по-своему...

- То есть, конечно, все почти они премиленькие, - перебил герой рассказа, - но ведь

ни одна из них, верно, не говорит по-французски, особенно фигурантки...

- Фигурантки-то еще поумнее, братец, солисток. Я тебе откровенно скажу, что моя

Маша заткнет за пояс всех солисток, сколько их ни есть. Это не девочка, а золото; она почти и не румянится на сцене... У нее чудо какой цвет лица. В "Роберте", в третьем действии, когда они встают из гробов, она уж белится, белится, чтоб казаться бледнее, - нет, кровь у нее так и проступает сквозь белила.

- Все это хорошо; я сам иногда с удовольствием смотрю на танцовщиц, - продолжал герой рассказа, - соблазнительного в них много; зато уж ничего более. С фигуранткой невозможно думать о возвышенной любви; иное дело женщина в обществе, умная, милая вертушка... тут за ней волочишься, ей во французском кадриле или в мазурке немножко пожмешь руку, у нее глаза тотчас разгораются, она отвечает тем же. С женщинами, я вам скажу, надобно иметь только дерзость - это главное: с дерзостью наверное выиграешь. Ведь я испытал все это...

Офицер с золотыми эполетами встал со

стула, прошелся по комнате и сказал:

- Актрисы, братец, по-моему, лучше всех ваших светских дам; в актрисах есть что-то такое... особенная какая-то прелесть... К тому же, по-моему, в общество часто выезжать опасно: и сам не заметишь, как очутишься женатым. Я, господа, езжу на балы к ужину: порядочно поужинаешь, поговоришь с приятелями - да и давай бог ноги. Один раз я, однако ж, у Дмитрия Васильевича Бобынина дал промах: только что встали из-за стола, я было за шляпу, а Катерина Ивановна и увидала - и пошла потеха! Я, говорит, не пуцу вас, ни за что не пуцу, - и начала отнимать у меня шляпу; - вы, говорит, должны танцевать гротесктер, надобно побеситься после ужина... Нечего делать - поневоле пустился в пляс; затона другой день Маша задала мне такую гонку, что до сих пор забыть не могу: она у меня превривая. -

Кто много в свет выезжает, - сказал офицер с серебряными эполетами, - тому беда быть влюбчивым. Я ужасно влюбчив. И Катерина Ивановна это заметила... В прошедший понедельник она мне сказала: "О, я про вас все

знаю!" - и погрозила пальцем...

- Катерина Ивановна любезная женщина, - прошептал статский, рассматривая с большим вниманием свои бледные и тонкие пальцы.

- А что, за ней, я думаю, можно приволочнуться? - спросил офицер с серебряными эполетами.

Герой рассказа проглотил бисквит и подумал: "Ах, и в самом деле! Она очень недурна: такая кругленькая; муж у нее все в карты играет, волосы у него с проседью, одевается он не по моде. Не съездить ли мне сегодня к ним с визитом?.."

- У Катерины Ивановны, надо отдать ей справедливость, прекрасные плечи, - сказал офицер с золотыми эполетами, - но уж все не то, что у Маши... У Маши все жилки на шее видны, такая нежность!

- Господа, посмотрите, вон там у окна какой жалкий чиновник сидит, - сказал офицер с серебряными эполетами, - какой смешной народ эти чиновники!

Офицер начал свистеть и, насмешливо улыбаясь, несколько раз прошелся мимо чи-

новника, осматривая его с ног до головы...

Герой рассказа засмеялся.

- А ты чего смеешься? - сказал офицер с золотыми эполетами, - разве ты не чиновник?

- Какой же я, мон-шер, чиновник? я и в департамент никогда не езжу, я только числюсь...

- Четвертый в начале, - сказал статский, - мне пора... - Он закашлялся, допил свою сахарную воду и ушел.

- Терпеть не могу этого пискуна! - произнес офицер с золотыми эполетами, провожая глазами статского, - с ним как-то и разговоров не находишь. Все ему не нравится, все не по нем...

- Нет, мон-шер, - заметил герой рассказа, смотрясь в зеркало, - он немножко чудак, но, говорят, везде путешествовал; он здесь везде принят в лучших домах и одевается недурно...

Пройдемся-ка по Невскому...

- Пожалуй, братец.

- И я пойду с вами! - закричал офицер с серебряными эполетами.

Дойдя до Адмиралтейской площади, герой

рассказа простился с офицерами, сел в сани и поехал к Бобыниным. Дорогой он все мечтал о Катерине Ивановне и окончательно решил-ся волочиться за нею. "С нынешнего же дня приступлю, - думал он, - кто знает, может быть..."

Ненавижу ухаживать за девицами... Нынче в большом свете все волочатся за дамами, на девиц никто и смотреть не хочет... Я прежде не так хорошо мазурку танцевал... ну, а теперь, после десятого урока, совсем не то... Много значит хорошо танцевать мазурку!"

Когда он вошел в переднюю к Бобыниным, было без пяти минут четыре часа - в самую пору: в большом свете всегда ездят с визитами в четыре часа.

- Дома Дмитрий Васильич?

- Сейчас приехали.

- А Катерина Ивановна?

- Дома-с.

Он сбросил с себя пальто, отряхнулся, натянул на руку желтую перчатку и, приняв вид рассеянный и беззаботный, вошел в залу.

В зале никого нет. Зала недурная; четыре кадрили сряду могут установиться; паркет

прескользящий; зеркала до потолка; на стенах большие портреты хозяина и хозяйки в богатых золоченых рамах...

И ее портрет!.. Она изображена почти во весь рост, в саду, с открытой грудью, в лиловом платье, с фероньеркой на лбу и в малиновом берете с пером; возле нее двухлетняя дочь, на которую она смотрит с нежностью.

Молодой человек, в ожидании оригинала, занялся рассматриванием портрета.

Какое сходство!.. карие глаза так и горят, черные волосы мелкими кудрями вырываются из-под берета и упадают до плеч, - а грудь полная, роскошная, а ротик маленький...

"Счастливец этот Дмитрий Васильич! Нет, впрочем, что за радость быть мужем?

Гораздо приятнее..."

На этом слове Дмитрий Васильич прервал размышления молодого человека. Он вошел в залу.

Дмитрий Васильич десять лет перед этим служил в каком-то пехотном полку, кажется, в Моршанске; все его богатство заключалось, кроме мундира и сюртука, в паре сапог, в черешневом коротеньком чубуке да в чемодане

из желтой кожи; он считался в полку умным человеком: ему полковой командир всегда протягивал руку и говорил ты с особенною нежностью. Дмитрий Васильич носил очки и читал русские газеты. Дослужившись до капитанского чина, он вышел в отставку и прямо в Петербург. В Петербурге он познакомился прежде всего с начальниками отделения; начальники отделения приняли его прекрасно: с ними он начал играть в вист по десяти рублей роббер; потом перешел к директорам - важный шаг; прошел месяц, им довольны и директора и жены директорские; прошел другой - он необходимое лицо в директорском висте, а вист по двадцати пяти рублей роббер и больше; прошел третий месяц - директора мигнули друг другу, указывая на него, посмотрели друг на друга и сказали: "Э-ге!" После этого э-ге его определили на очень выгодное, хоть и невидное место. Года через четыре он женился на генеральской дочке, за которой ничего не взял.

Теперь у него есть до миллиона, по уверению многих; у него в квартире дорогие мебели и бронзы; у него щегольские лошади; он

дает щегольские вечера и обеды, он ведет большую игру; он важное лицо в Благородном собрании, и ему хочется попасть в Английский клуб; его вы встретите на всех торгах и аукционах; к нему ездит генералитет, с ним под ручку прогуливаются капиталисты. Вы подумаете, взглянув на него, что он генерал, а в самом-то деле он только надворный советник; вы вообразите, что у него по крайней мере Владимир на шее, а у него Анна третьей степени... В задушевном словаре этого человека не много слов.

Вот почти все они: купил, перекупил, продал, запродавал, обработал; но он любил рассуждать о литературе и политике, о высоком и прекрасном, о суете и ничтожестве жизни. Он действительно очень умный человек!

- А! - сказал протяжно Дмитрий Васильич молодому человеку, который раскланялся ему очень ловко, нисколько не хуже своего танцевального учителя, выставив, будто нечаянно, свою руку в желтой перчатке.

Дмитрий Васильич не пожал его руки, а прикоснулся чуть-чуть к его перчатке двумя пальцами.

- Очень рад вас видеть. Что, получаете ли письма от матушки? Здорова ли она?..

- Покорно вас благодарю. Она, слава богу, здорова...

- Что, как вы находите, похож портрет жены?

- Чрезвычайно.

- Я писал к вашей матушке, не хочет ли она продать мне свою деревню. Я даю ей хорошую цену. Что ей жить в провинции, право? Она приехала бы к вам, жить бы вместе с вами... Вам, я думаю, скучно без нее?

Молодой человек расправлял пальцы перчатки.

- Конечно-с.

- Катенька! - закричал Дмитрий Васильич, входя в гостиную. - Милости прошу к жене,

- продолжал он, обращаясь к молодому человеку.

- Что, мой дружок? - слышался откуда-то звонкий и томный голос.

"Точно соловей поет, - подумал молодой человек, - я и не заметил, что у нее такой приятный орган".

Дмитрий Васильич ушел, герой рассказа

остался один.

Дверь из будуара в гостиную отворилась неслышно. Катерина Ивановна остановилась в дверях и увидела гостя.

- Ах!.. - Она как будто удивилась и присела...

- Как ваше здоровье? - спросил у нее молодой человек по-французски, подходя к ней.

- Я и не узнала вас, - сказала она с приятною улыбкою, сделав два шага вперед и поправляя брильянтовый крестик, который висел у нее на груди. - Где это вы были все время? Вас что-то не видно.

- Я очень виноват перед вами. Я ездил на охоту с князем... - Он запнулся: в эту минуту, как нарочно, ни одна княжеская фамилия не приходила ему в голову, хоть он всех почти князей, гуляющих по Невскому проспекту, знал в лицо. - Сегодня прекрасная погода... Вы не изволили гулять?

- Нет. - Она бросилась в кресла с кокетством и небрежно опустила на колени свои руки, разукрашенные богатыми кольцами. - Меня измучили балы. Четыре дня сряду я возвращалась домой в шесть часов утра. Вы не

поверите, как это тяжело и скучно!

Молодой человек сел подле нее.

- По лицу вашему, однако, незаметно, чтобы вы были утомлены балами. Ваш цвет лица...

"Начало, кажется, недурно", - подумал он.

- Ваш цвет лица...

- Что же мой цвет лица?

- Так свеж, так...

- Это комплименты...

- Я никогда не говорю и не умею говорить комплиментов, я...

- Катенька! пора обедать, - сказал Дмитрий Васильич, входя и доглядывая на часы. -

Вы обедаете с нами?..

- Нет-с.

Молодой человек вскочил со стула.

- Я только хотел узнать о вашем здоровье... мне еще надо заехать в два дома...

- Да помилуйте! кто же так поздно ездит с визитами? Оставайтесь-ка с нами. Кушанье сейчас подадут.

- Нет-с, я никак не могу... Молодой человек начал раскланиваться.

- Ну, как хотите! Когда будете писать к ма-тушке, кланяйтесь ей от меня... А что, как

идет ваша служба?

- Ничего, хорошо.

- Не забывайте нас, - сказала Катерина Ивановна, - Приезжайте к нам когда-нибудь запросто вечером. Я хочу отдохнуть несколько дней дома от шумной жизни...

"Очаровательная женщина! - подумал молодой человек, выходя в переднюю. - И как она смотрела на меня! И какая у нее ножка!.. Отчего это мне давно не пришло в голову?.. Что ж! все равно, и теперь еще можно... Она обращает на меня особенное внимание... Недурно, черт возьми! Приезжайте запросто вечером! Это много значит, это не всякому говорится; а муж пресмешной! Что за вопросы предлагает: о маменьке, о службе! Разве я мальчик, только что вышедший из школы! И удивляется, что поздно с визитами езжу, - а еще живет в свете!

Не в первом же часу делать визиты!.. Хорошо, что я не остался обедать: как можно остаться обедать в сюртуке! В сюртуке только выезжают по утрам, а к обеду надевают фраки..."

Как истинный онагр, молодой человек

превосходно знал все обычаи, переходящие из большого в маленький свет, и ни в каком случае не позволял себе уклоняться от них. С благоговением неизобразимым, с чувством робким и трепетным смотрел он на львов, с которыми ветречался на улицах и в трактирах, и усиливался рабски подражать им во всем.

Всем и каждому известно, что цари высшего парижского общества, некогда называвшиеся: *hommes a bonnes. fortunes, incroyables, dandy, fashionables* и так далее, теперь носят страшные имена львов. Всем также известно, что мы, русские, имеем претензию на европейскую внешность, что мы с изумительною быстротою перенимаем все парижские и лондонские странности и прихоти. Вследствие этого у нас были некогда денди и фешенебли, теперь у нас есть и "львы". С санкт-петербургским "львом" вы уже знакомы; но дело не в том. Я не знаю, слышали ль вы очень любопытную новость? Недавно какой-то остроумный господин в Париже изобрел название для тамошних царьков среднего общества. Это название прекрасное и звучное: онагр!

Оно было принято парижанами с восторгом и тотчас вошло во всеобщее употребление. Оно - в этом почти нельзя сомневаться - перейдет и к нам, и мы скоро привыкнем к нему, как привыкли к странным прозваниям "львов".

В Петербурге очень много "онагров", несравненно более, чем "львов".

Санкт-петербургские "онагры", по-моему, гораздо любопытнее Санкт-петербургских "львов". Не знаю, даст ли этот слабый очерк хоть небольшое понятие о том, что такое Санкт-петербургский онагр.

ГЛАВА II

Деревенские мысли и столичные мечты. -
Вечер Онагра

Онагр от Бобыниных приехал домой, бросился на диван и, полный любовного волнения и таинственных предчувствий, с большим восторгом пропел куплет из какого-то водевиля:

И с страстью чистою, сердечной

Я буду век ее любить,

А без любви взаимной, вечной

Я не могу счастливым быть!

Он повторна: "Я не могу счастливым быть!" - и закричал:

- Гришка!

- Что-с?

- Сбегай поскорей в трактир за обедом. (Я что-то проголодался.) Возьми также в погребе бутылку красного вина. (Теперь я без вина решительно не могу обедать. Если бы деньги, всякий день пил бы шампанское. Ах, если бы деньги!..) Ну что ж ты, урод, стоишь?

- Я забыл вам доложить, - сказал Гришка, почесывая в затылке, - к вам письмо, сударь, с почты принесли.

- Письмо, а не посылку? от кого же письмо?

- Не знаю-с; кажется, от маменьки-с.

- Ну, подай же его да принеси свечку, и пошел за обедом.

- Пожалуйста деньги-с.

- Возьми в кошельке, болван; вон кошелек на столе.

Гришка подал барину письмо и свечу, взял деньги, отложил из них двугривенный в свой карман и ушел. Барин распечатал письмо и прочел:

"Друг мой бесценный Петенька. Благодарю тебя, мой ангел, за то, что не забываешь меня: три письма твои одно за другим вскоре я получила и целую тебя заочно. Ты знаешь, что у меня не осталось другого сокровища на земле, кроме тебя, после кончины незабвенного моего мужа, потерю которого я и до могилы не забуду. Письма твои единственная моя отрада в жизни. Не жили бы мы в разлуке с тобой, голубчик, если б богу угодно было про-

длитель дни

Александра Ермолаича. Он теперь, верно, имел бы генеральский чин и получал бы большие оклады, а я за ним не знала бы никаких хлопот, и все бы жили в Петербурге. И я провела бы старость спокойно! Впрочем, на все воля божия: кому определена смерть, тот непременно умрет. Совесть моя в отношении к тебе, дружок, спокойна; я пожертвовала для тебя всею моею жизнью. По смерти отца твоего за меня сватались хорошие женихи с чинами и с состоянием: я отказала им с тою целию, чтобы иметь о тебе попечение и сохранить для тебя небольшое именье, полученное мною в приданое. Сколько лет уже я живу в деревне и забила в глушь, чтобы скопить тебе хоть немного деньжонок, да неурожаи последних годов уничтожили все мои планы. Нечего делать, надо покориться всемогущей воле и переносить все без ропота..."

Молодой человек немного нахмурился; рука его, державшая письмо, опустилась, и он подумал:

"Гм!.. Уж эти проклятые неурожаи! И отче-

го они? Когда я вырос и когда мне нужны деньги - так тут, нарочно, неурожаи! И пришла же маменьке мысль копить деньги... Лучше бы присылала мне больше. Здесь нельзя жить в свете без денет. Сунься-ка попросить в долг! под залог, говорят, пожалуйста... А что я дам под залог? У меня и теперь ни гроша нет: что ж я буду делать?"

После этого размышления он опять принялся за чтение письма:

"Тяжела деревенская жизнь: везде надо свой глаз, на старосту надежда плохая. У меня недавно поставлен новый староста Ильюшка, брат Ваньки - Григорьева сына; Мирошку же я сменила за грубость. Признаюсь, и сил недостает мне, слабой женщине, управляться с крестьянами: такая вольница, все перебаловались, только по вечерам отдыхаю. Спасибо соседям, не забывают; всех чаще у меня бывает Фекла Ниловна, - ты ее знаешь, прелюбезная дама, образованная, и жила в Петербурге, всех знает, презабавные анекдоты рассказывает; с нею не соскучишься... Она вспоминает об тебе, говорит, что любит тебя душевно: тот же, кто любит тебя, мил всегда моему сердцу.

Если бы по милости божией ты получил хорошее и прочное место по службе, это меня утешило бы. С удовольствием вижу, по письмам твоим, что тебя начальники отличают от других; так и должно было ожидать: ты воспитан, как немногие, в лучшей петербургской гимназии, где воспитываются всё дети известных благородных фамилий. Для того чтоб сделать тебя человеком, я не щадила денег и лишила себя необходимого. Ты, кроме обыкновенного ученья, и приватные уроки брал, и нынче берешь уроки у танцевального учителя. Это хорошо, друг мой; в свете надо быть ловким.

Пожалуйста, сердце мое, будь всегда на глазах у начальства, угождай всем, не забывай именин и рожденья своего директора и директорши, ласкайся ко всем; этим ты ничего не проиграешь; поверь мне, ищи в людях, — люди нужны. Особенно не забывай Дмитрия

Васильевича Бобынина; говорят, он в большой силе у вас в Петербурге и живет как вельможа. Съезди к нему нарочно по получении сего письма и поклонись от меня; скажи ему, что все люблю его по-прежнему, как род-

ного брата. Он писал ко мне, что хочет купить мою деревню с переводом долга, но предлагает за нее самую ничтожную сумму. Об этом ему ни слова не говори, будто ничего не знаешь, а я не замедлю отвечать ему сама... Правду говорят, что чем люди богаче, тем скупее. Супруги его не имею удовольствия знать, а говорят, прелестная, самого лучшего тона дама..."

Герой наш при этих словах протянулся на диване с выражением самодовольствия и неги, снял со свечи и сказал:

- Прелестная... мало этого - просто душака!.. Да что ж маменька об деньгах-то ничего не пишет? Посмотрим далее.

"...Я Дмитрия Васильича помню, как он еще был офицером и не имел ничего. Уж и тогда многие почему-то пророчили, что он пойдет далеко. Слухи носят, что он нажил свое богатство нечестно, да ты этому не верь, это говорят вольнодумцы, друг мой, и никогда об этом ни с кем не говори. Если бы и точно слухи эти были справедливы, то нам до этого дела нет: с ним знаются люди и повыше нас и уважают его, так мы не должны умничать; к

тому же Дмитрий Васильич тебе всегда пригодится, как человек с связями. Приятно мне было между прочим читать в письме твоём, что ты находишься в самом лучшем обществе и в коротких отношениях с князьями и графами; только, глядя на них, не кидай, бога ради, деньги и помни, что у них у всех золотые рудники, а у нас с тобой только четыреста душ, и те заложенные. Правда, у тебя есть, как ты пишешь, дядюшка, от которого после смерти достанется тебе тысяча восемьсот душ, но в животе и смерти бог волен: мы видим ежедневно примеры, что молодые умирают, а старые живут... Да продлит бог дни твои, голубчик, к моему утешению; я это говорю только к тому, что, надеясь на чужое неверное, нельзя проживать свое верное. Братцу еще только пятьдесят семь лет; он очень крепок в своем здоровье. Он дал мне за мою Агашку шестьсот рублей. Теперь за мной ходит Лизка, дочь

Евграшки-повара: девка добрая, старательная и безответная. Знаешь, что мне пришло в голову: не послужит ли твое знакомство с детьми вельмож в твою пользу? нельзя ли те-

бе через них как-нибудь постараться, чтоб тебя произвели в камер-юнкеры? А деньги на мундир я как-нибудь сколочу. Тогда бы твой карьер был сделан, и дядюшка смотрел бы на тебя другими глазами. (Пиши к нему чаще и понежнее.) Что заговорили бы у нас в губернии, если б это случилось! Мысль, что сын мой достиг до такой высоты, сделала бы меня вполне счастливою. Стану молиться об этом богу: авось создатель услышит мои грешные молитвы..."

"Что, в самом деле? - подумал молодой человек. - у маменьки недурна мысль! Ах, если б в камер-юнкеры! У! Я стал бы тотчас выезжать в первые дома, все к князьям и посланникам, на Английскую набережную.. Вот тогда бы пройтись по Невскому-то! Я начал бы непременно ухаживать за княгинею Е***: она прехорошенькая. И какая у нее походка!..

Она гуляет по набережной, так, едва-едва прикасаясь ножками к плитам, а следок у нее узенький и ножка крошечная!.. Я познакомился бы со всеми здешними львами... Тогда уж не я волочился бы за Катериной Ивановной, а она волочилась бы за мною... Вхожу в

мраморную или в атласную залу; там кипит народ... Я пробираюсь между генералами..."

- Кушать, сударь, готово, - сказал Гришка, - я взял двухрублевый обед.

- В каком трактире?

- В "Неаполе"-с.

- Вот мерзость! Я такого трактира и не слы- хивал, Я думаю, есть ничего нельзя.

- Отчего-с? обед как следует. Посмотрите.

Барин отправился в столовую.

Он кушал с большим аппетитом и продол- жал думать:

"Через кого, впрочем, попадешь в ка- мер-юнкеры? директор наш не представит меня: он, говорят, на меня сердится за то, что я редко хожу в департамент. Начальник отде- ления тоже что-то посматривает на меня ко- со... Князья и графы! Хорошо, если б я не шутя был знаком с ними, а то я только так написал об этом маменьке, чтоб она деньги скорее вы- слала..."

Но я уж по тону ее письма вижу, что от- каз... Надо все-таки прочесть до конца".

"...Ты пишешь во всех трех письмах, серд- це мое, о своих крайних надобностях и о ско-

рейшей высылке денег... Милый друг мой, нечего говорить тебе, что я рада отдать последний платок с себя для твоего спокойствия; я не раз доказывала это, удовлетворяя твои просьбы, и теперь готова была бы доказать, если б не бедственное положение всего нашего края. Рожь последние три года сряду совсем была плохая, так что и на посев зерен не доставало; овсы еще туда-сюда, даже конопля нынешний год не уродилась, и крестьяне, за неимением ржи, кормятся лебедою. Проценты же в ломбард следует платить аккуратно. Что станешь делать? Тяжело, мой друг, быть хозяйкой при нынешних обстоятельствах. Вы же, молодые люди, неопытны и ничего не берете в расчет и думаете, что деньги у нас в деревнях из земли вырастают. Умоляю тебя, дружок, если не хочешь огорчить свою мамашу, будь побережливее. Что-то бог даст на следующий год, а с осени всходы были нехороши..."

- Вот тебе и еще утешение! Всходы! В Петербурге не станешь рассказывать, что всходы нехороши. Здесь и не знают, что такое всходы, а кричат "подавайте денег!"

Молодой человек начал грызть ногти от досады.

"...Куда же так скоро ты прожил те две тысячи рублей, что я четыре месяца назад прислала тебе? Еще кроме четырех тысяч рублей, которые высылаю тебе ежегодно, ты получаешь две тысячи пятьсот рублей жалованья в таком маленьком чине; трудись, может быть, тебе и еще прибавят, когда повысят. Без трудов, друг мой, жить нельзя. Ты уведомляешь, что завел лошадку, - это ничего; при твоём знакомстве нельзя, точно, быть без лошадки, да не обманывает ли тебя кучер? знаешь ли ты цены овса и сена?.."

"Две тысячи пятьсот рублей жалованья!.. Охота же мне была нахвастать, - думал молодой человек, - я ни копейки не получаю. Лошадку! У меня не одна, а две лошадки, да об другой-то я не хотел написать..."

"...Сколько ты платишь кучеру в месяц? Не лучше ли будет, если я вышлю тебе старика Ермолая: он уж ничего барского не украдет, а, напротив, будет все беречь и соблюдать во всем экономию. Наемному же человеку что за охота беречь господское добро?"

Крепостной всегда лучше, потому что он в ответе. Ермолай ездит хорошо: он был кучером при отце твоём..."

- Нет, покорно благодарю; я срамиться не намерен, я не хочу, чтоб на меня пальцами указывали, когда я буду кататься по Невскому или по Английской набережной.

"...Доволен ли ты Гришкой? Не давай ему много воли и не балуй его; пуще всего, чтоб у него не были в руках деньги. Тысячу пятьсот рублей, по просьбе твоей, я выслать тебе никак не могу, а восемьсот рублей пришлю с первою почтою: 500 рублей из тех, что получила за Агашку, себе оставляю только сто рублей; триста же рублей дал мне займы добрый и милый сосед наш Семен Никифорыч Колпаков... Он только узнал, что тебе нужны деньги, сейчас вызвался ссудить меня последними тремя стами, которые у него были.

Напиши к нему письмо поласковее и поблагодари его за это и за участие, которое он принимает во мне; также купи самую модную жилетку, которую и вышли немедленно: я хочу подарить ему. Надо быть благодарным, дружочек; благодарность выше всего. Семен

Никифорыч человек редкий: он угождает мне и ухаживает за мною, как родной. В нынешнем свете чужие, право, лучше родных. У меня что-то глаза становятся слабы, с трудом веду хозяйственные книги: видно, старость приходит; в марте мне сорок шестой год пойдёт.

Сходи ко Всех скорбящих божией матери и помолись за меня. Целую тебя, мой ангел

Петенька, без счету и обнимаю тебя. Береги свое здоровье, драгоценное для меня, и не бросай попусту деньги. Остаюсь твоя мать и друг

Прасковья Разнатовская".

Петр Александрыч окончил письмо, проглотил засушенное миндальное колечко, выпил стакан красного, зевнул, сказал самому себе: "Ну, по крайней мере хоть восемьсот!" - и задремал.

Гришка собрал со стола, докушал барские остатки, снял со стены семиструнную гитару и принялся наигрывать "Барыню".

Петр Александрыч впросонках услышал эти звуки, рассердился и закричал:

- Гришка!

- Чего-с? - отозвался Гришка из своего чулана.

- Ты музыкой забавляешься?

- Никак нет-с.

- И отпираешься еще, дурак! Кто ж это бренчит? Ты, кажется, помешался. Барин поживает, а ты изволишь шуметь.

После этого Петр Александрыч снова погрузился в дремоту, и в квартире его воцарилось безмолвие. Минут через десять громкое и неровное храпение слуги слилось с тихим и однозвучным храпением барина.

В восьмом часу барин открыл глаза и с удовольствием несколько раз потянулся.

- Какой приятный сон! Я видел Катерину Ивановну, точно наяву, будто я целую у нее руку, - а она мне говорит: "Шалун! что вы делаете? перестаньте", а я и не слушаю ее и... и... все это очень может случиться!

Мечты его были прерваны звоном колокольчика в передней. В комнату вбежал офицер с серебряными эполетами.

- А я к тебе, мон-шер. Что ты делаешь?

- Ничего.

- И я ничего... Что это ты сидишь в потем-

ках?

- Да так, заснул, братец... Гришка! свечей!
Свечи принесли.

- Куда ты вечером, мон-шер?

- Не знаю; а ты?

- Не знаю. В "Сильфиду" не поедешь?

- Нет, братец, надоела.

- И мне, мон-шер, надоела: я десять раз сряду ее видел.

- Я сегодня был у Бобыниных с визитом.

Минуты две молчание. Офицер прошелся по комнате и запел: "Тра-ла-ла, тра-ла-ла!."

- Кто?

- Катишь Бобынина.

- Да! Ах, я тебе не говорил: мы вчера вечером с Митей таскались, таскались по

Невскому, да и вздумали вдруг зайти к Доминику поужинать... Две бутылки шампанского выпили.

- Катишь мне говорила сегодня - мы с ней долго сидели вдвоем, - что ей скучно, что ей надоели балы. Все, говорит, это вздор, сердце ищет чего-то, и она так страстно посмотрела на меня и потом сказала: "Приезжайте ко мне на днях вечером; я буду одна". Это недурно,

братец?

- Гм! Не сыграть ли нам в банчик?..

- Пожалуй... у меня теперь денег нет; впрочем, я сейчас получил письмо от матери из деревни: она пишет, что высылает мне четыре тысячи. Нет ли у тебя рублей двадцати пяти?

Мне только на несколько дней.

- С удовольствием, мон-шер, с удовольствием. Офицер схватился за боковой карман.

- Ах, канальство! бумажник-то я свой позабыл дома! У меня деньги есть: я на прошедшей неделе получил от отца пятьсот рублей карманных... Сыграем же в банчик; если проиграешь, отдашь мне после, если я проиграю, то завтра пришлю. Что время попусту терять? а?

- Разумеется... Гришка, мелки и карты!

- Неигранных карт нет-с, надо сходить в лавочку.

- Ну, подай игранные. Не все ли равно?

Игра началась, мелки пришли в действие, карты загибались и отгибались. Ни Петр

Александрыч, ни офицер не заметили, как пролетело время. Их уж и ко сну клонит. Петр

Александрыч в выигрыше.

- Который час?

Офицер посмотрел на часы.

- Вообрази, мон-шер, три часа.

- О-го! Не перестать ли?

- Как хочешь; сколько я проиграл тебе?

Петр Александрыч принялся считать.

- Сто один рубль.

- Только? я полагал больше. Адъё.

"Славно! право, славно! - подумал Петр Александрыч, провожая офицера, - мне и в любви и в картах начинает везти!"

ГЛАВА Ш

Кучер в васильковой шубе и глазетовом кушаке. - Будуар госпожи среднего сословия.

- Добродетельный человек с огромным ртом

Прошел день, другой, третий; офицер с серебряными эполетами не является и не шлет денег. По прошествии четырех дней Петр Александрыч написал письмо к офицеру:

"Мне крайняя нужда в деньгах, а из деревни я еще не получил. Сделай одолжение, mon cher ami, пришли сто рублей, которые ты на медни проиграл мне. Что новенького? Вчера я был у Бобыниных. Молодецки иду на приступ, все говорил с ней о любви. Ах, женщины! женщины! что, если б не было на свете женщин? Моя Катись меня с ума сводит. В ожидании ста рублей tout a vous

П. Р.

Петр Александрыч запечатал письмо и на-

писал на конверте:

Monsieur de Anisieff.

- Кучеру новую шубу принесли-с, - сказал Гришка.

- Принесли?

Петр Александрыч вдруг оживился и вскочил со стула.

- Вели же ему поскорей одеться и прийти сюда.

Кучер явился в светло-васильковой шубе, отороченной кошкой. Его сопровождал портной с ярко-пунцовой шапкой в руке: на шапке лежали газетовые и парчовые кушаки.

У Петра Александрыча разбежались глаза. Прежде он бросился к кучеру, потом к портному; и шуба хороша, а шапка прелесть, и кушаки блестящие!

Шуба сшита удивительно.

- Застегни-ка, Васька, ее на все пуговицы да надень шапку.

Петр Александрыч обошел кругом кучера.

- Славно!..

"Какой бы только кушак выбрать? (его взяло раздумье) парчовый ли с цветами или просто газетовый золотой?"

- А кушаки, любезный, какие моднее? - спросил он у портного в нерешительности.

- Это уж, батюшка, все самые княжеские, самые последние. Какой вам приглянется; по-нашему, все единственно, что тот, что другой.

- Ну, я возьму глазетовый; только знаешь, любезный, надобно его сложить пошире, на два пальца еще прибавить, так он будет виднее. Сложи-ка теперь... Вот так...

Портной подал счет барину и начал повязывать кучеру кушак.

Барин, не смотря, бросил счет на стол и подумал: "Блесну же я теперь перед

Катериной Ивановной! Пущу же я ей пыль в глаза! Кучера не у многих и аристократов так одеты".

- Васька, смотри же, бережь платье. Я сейчас поеду: поди поскорей, заложи, да все новое и сбрую новую...

Кучер ушел.

- А касательно счета-то-с? - заметил портной.

- Да! да!

Петр Александрыч взял счет со стола и начал его внимательно рассматривать.

- Двести девяносто пять рублей?

- Точно так-с.

- Хорошо, любезный, хорошо...

- Сейчас пожалуете?

- Нет... то есть... не сейчас... у меня, вот видишь ли, и есть деньги, но один приятель взял до вечера. Завтра пришлю... на днях непременно.

"Охотничий кафтан!" - подумал Петр Александрыч, садясь в сани с сияющим лицом.

У тротуара на Английской набережной он вышел, а саням приказал ехать за ним, не отставая.

Прогуливаясь, он беспрестанно оглядывался назад.

- Васька, держись прямее! у тебя какая-то странная посадка.

Кучер выпрямился.

- Послушай, братец, спусти кушак немного пониже...

Навстречу Онагру попался Дмитрий Васильич.

Дмитрий Васильич шел с Владимиром Матвеичем Завьяловым, с тем самым, который известен был в некоторых средних круж-

ках петербургского общества под именем прекрасного человека. Они с жаром о чем-то рассуждали.

- Мое почтение, Дмитрий Васильич! - сказал Онагр.

- А! что вы, гуляете?

- Гуляю-с.

- Это не ваш ли такой блестящий кучер?

- Мой-с.

- Мотаете, молодой человек, мотаете! А маменька жалуется на неурожай... До свиданья!

Петр Александрыч поморщился.

"Что ему за дело, мотаю я или нет? Однако кучера-то он не мог не заметить: видно, эффектно одет. Не съездить ли мне к Катерине Ивановне? теперь, верно, у нее никого нет.

Поеду!.."

В дверях будуара Катерины Ивановны он встретился с господином очень высокого роста, плечистым, худощавым, но крепкого сложения, с лицом смуглым и с черными усами.

На этом господине был темный сюртук, застегнутый на все пуговицы, крепкий, волосяной галстук и казацкие широкие шаровары.

Этот господин посмотрел на Онагра, поддер-

нул бровями и расправил ус.

Онагр с чувством собственного достоинства застегнул пуговицу своей желтой лакированной перчатки и ответствовал усачу величавым взором, в котором выразилась вся бесконечность светской гордости.

"Что это за человек? - подумал он, - я его встречаю в третий раз у Катерины

Ивановны; как можно принимать таких?"

В будуаре г-жи Бобыниной царствовал полусвет. Цветные стекла вполонину закрывали окна; между окон стояла массивная горка с амурами, огонек тлелся в камине.

Она в широком пеньюаре сидела на штофном диване, в одном из тех грациозных положений, о которых так хорошо рассказывают русские светские повествователи.

Она одна!

Медленно, неохотно приподнялась она от эластической спинки дивана, увидев

Онагра...

- Pardon! - сказала она молодому человеку, прикоснувшись двумя пальчиками к пеньюару, - что я так принимаю вас; я не совсем здорова, но для коротких знакомых можно поз-

волить себе, я думаю, эту небольшую волю-
ность.

Онагр поправил свою голубую жилетку и подумал: "Браво! да она, кажется, очень равнодушна ко мне!"

Он отвечал:

- Помилуйте, мне гораздо приятнее, что вы... только не обеспокоил ли я вас?.. Сейчас на Английской набережной видел Дмитрия Васильича...

- Право?

- А как ветрено сегодня, вы не можете себе представить, - такой резкий ветер с моря.

- Неужели?

- Вот у вас очень тепло: бесподобное изобретение камин. Не будете ли вы в среду у Калпинской?.. Там иногда бывает приятно.

- В среду... что у нас сегодня?

- Суббота.

- Да, я непременно у нее буду...

"Как бы придраться, чтоб поговорить о любви?" - подумал Онагр, перевертывая шляпу.

- Ваш будуар, - начал он, осматривая потолок и стены, - убран с большим вкусом; это

маленький храм... Из него выйти не хочется...

Онагр пристально посмотрел на свою богиню.

- И этот полусвет, - продолжал он, - так располагает к мечтаниям, к лю...

- Господин Иконин, - сказал слуга.

"Черт возьми! - подумал Онагр, - я только было расхотелся, чудесные фразы пришли в голову, а тут кого-то нелегкое принесло, как нарочно".

- Проси, - сказала Катерина Ивановна слуге, накидывая на себя шаль и поправляя волосы.

- Кто это такой Иконин?

- Один отличный старичок, добродетельной жизни, немножко странный, впрочем, он имеет важное место на службе.

В комнате показался человек небольшого роста, пожилой, с коротко подстриженными волосами, с большими карими глазами и с огромным ртом, в вицмундире с пуфами на рукавах. Он молча подошел к ручке Катерины Ивановны, потом голова его покачнулась на неподвижном туловище, как у автомата; потом рот его раздвинулся до ушей, а веки за-

хлопали - то была улыбка.

- Как я рада вас видеть, Филипп Иваныч! - сказала ему хозяйка.

- Покорно благодарю-с.

- Милости прошу садиться.

Катерина Ивановна придвинула для него стул к дивану.

При взгляде на Онагра голова добродетельного старичка с огромным ртом снова покачнулась. Он сел.

Полминуты безмолвия.

- Как вы в своем здоровье-с?

- Слава богу!

- А супруг ваш-с?

- И он слава богу; его нет дома.

- На службе-с?

- Кажется.

- Много, я полагаю, занятий-с у Дмитрия Васильича?

- Очень много.

За сим последовала минута молчания, после которой добродетельный старичок с огромным ртом вынул из кармана две тоненькие брошюрки нравственного содержания.

- Вот-с я вам принес-с. Прекрасные речи-с, весьма красноречиво написанные. Не угодно ли-с, я вам прочту.

- Сделайте милость, Филипп Иваныч: вы знаете, что я люблю все нравственное.

Он развернул одну брошюрку и начал читать.

Чтение продолжалось три четверти часа. Онагр повертывался на стуле и, кусая губы, смотрел на свою желтую перчатку.

- Что вы никогда не приедете к нам на вечер, Филипп Иваныч? - сказала Катерина Ивановна после чтения.

- Покорно благодарю-с; я на вечера не езжу-с...

- Правда, вам наши светские собрания кажутся тягостными и ничтожными...

Катерина Ивановна вздохнула.

- Счастлив, кто может вести такую добродетельную жизнь, как вы!

Филипп Иваныч покачнул голову.

Вслед за этим он завел речь о производстве одного начальника отделения в вице-директоры, одного коллежского советника в статские советники, о любви к ближнему и о

безнравственности современной литературы. Потом он приподнялся, совершил свой обычный обряд приложения к ручке и ушел. Катерина Ивановна провожала его до дверей за-
лы.

- Вот человек! - сказала она Онагру, возвра-
таясь в будуар, - таких людей мало; что за ум,
что за ученость! и притом это истинно добро-
детельный человек.

- Да это сейчас видно, - отвечал Онагр.

"Терпеть не могу эдаких, - подумал он, -
только мешают волочиться; очень приятно
слушать их проповеди!"

Вошел слуга.

- Барин вас просит к себе, сударыня; он сей-
час приехал.

Катерина Ивановна сказала Онагру:

- Извините, до свидания, - и выпорхнула из
комнаты, как птичка.

"Если бы не этот проклятый чтец, может
быть, сегодня..." - подумал Онагр. - Васька! по-
шел куда-нибудь... ну, хоть на Дворцовую на-
бережную, а там на Невский - и домой...

Васька, что, я думаю, другие кучера теперь
смотрят на тебя?

- Как же-с, сейчас, Петр Александрыч, два господина спрашивали? чьи сани.

- Хорошо одетые?

- Да-с. Должно быть, важные господа.

Онагр улыбнулся.

ГЛАВА IV

Петербургские увеселения. - Ростовщик. - Любовь Онагра. - Кредиторы. - Письмо
- В Петербурге очень весело! - сказал Петр Александрыч пересчитывая восемьсот рублей, присланные ему из деревни, - да надолго ли здесь этих денег? Посмотрим, надолго ли?

Он положил деньги в карман и поехал завтракать к Доминику, обедать к Дюме; после обеда сел играть в домино на шампанское, потом в Большой театр.

В театре он в ложе у Катерины Ивановны... Она разодета, как на бал: руки ее закованы в браслеты, грудь открыта, на голове чалма с золотыми кистями. Возле нее сидит Анна

Львовна, сестра Настасьи Львовны*, которая * См. повесть: "Прекрасный человек". иногда гостит в доме Бобыниных и разливает чай для гостей и которую иногда Катерина

Ивановна удостоивает чести брать с собою в театр. Анна Львовна в ложе у Бобыниной точно в раю: это для нее редкий праздник!

все, что есть у нее лучшего, она надела на себя... И лорнет в ее руке, и пудра сыплется с лица...

Петр Александрыч навел зрительную трубку на какую-то танцовщицу и сказал

Катерине Ивановне:

- Ма фуа! эль не данс па маль!..

Катерина Ивановна обратилась к нему и отвечала:

- Оуі.

Он посмотрел на нее страстно, он глазами заговорил ей о любви своей... А в глубине лужи сидел безмолвно господин высокого роста и крепкого сложения, улыбался сам с собой, поводил усами и расправлял усы.

А в первом ряду кресел с правой стороны счастливый офицер с золотыми эполетами, вооруженный телескопом, рукоплескал фигуранткам, упивался взорами своей толстой Маши и восхищался легкостью ее ног, которые он, для поддержания собственного достоинства, называл ножками.

А офицер с серебряными эполетами бегал между кресел по ногам и бормотал "пардон" и "пермете".

- Извини, мон-шер, - говорил он Петру Александрычу, столкнувшись с ним в буфете, - что я не прислал тебе ста рублей, которые проиграл; вообрази, меня обокрал лакей: все пятьсот рублей унес и много золотых вещей... Я на днях тебе пришлю, честное слово.

Спектакль кончился. За ужином у Леграна Петр Александрыч рассказывал офицеру с золотыми эполетами о том, как офицер с серебряными эполетами проиграл ему триста рублей и не платит.

- Не понимаю, - прибавил он, - как можно играть, когда нет денег!..

Через две недели, считая с этого ужина, из восьмисот рублей, присланных маменькой, в кошельке у Онагра осталось только один рубль семьдесят пять копеек.

Грустно посмотрел он на свою единственную монету, пощелкал языком и подумал:

"Надо занять хоть тысячи две... только даст ли этот проклятый Шнейд? Я и без того ему должен. Загадаю".

Он пустил монету по столу.

- Если ляжет орлом, так даст, а если решеткой, так нет.

- Орел! орел!.. А если не даст? что будешь делать?

Он принудил себя выкурить сигару, - трубка ему опротивела, потому что у Дюме он не видал ни одного льва с трубкой, прошелся по комнате, свистнул раза два или три и отправился к Шнейду... Голова у него кружилась от сигары, но он сказал самому себе:

- Что за беда! привыкну; трубку курить - *mauvais genre!*

У ворот ростовщика он повстречался с тем штатским, у которого было сморщенное лицо и изнеженные движения.

- Мосьё Разнатовский, куда вы? - спросил он, по своему обыкновению, в нос.

Онагр немного смутился.

- Я... так... нужно к одному знакомому... а вы?

- Я от Шнейда - моего поверенного. *Au plaisir...*

"Та-та-та! - подумал Петр Александрыч, - поверенный! знаем мы эти штуки: просто, брат, занимал деньги..."

Ростовщик прохаживался по своей зале, уставленной бронзой и дорогими мебельями.

Он сам отворил дверь.

- Здравствуйте, Адам Иваныч, - сказал ему Онагр с непринужденною улыбкою, сбрасывая с себя шинель, а между тем сердце у него так и билось.

- Мое почтение, - сухо отвечал ростовщик.

- Что, любезный Адам Иваныч, как вы поживаете?

- Помаленьку.

- А я встретил у ваших ворот моего приятеля... штатский, как бишь его фамилия... всегда позабываю... у него такое сморщенное лицо... он от вас сейчас вышел.

- Анин?

- Да, да... Что, верно, к вам за деньгами приезжал?

- Нет, ему не надо занимать; у него много денег.

- А зачем же он был у вас?

- Он нанимает форейтора через одного моего знакомого.

- А-а-а! У меня до вас... - Петр Александрыч закашлялся... - Какие у вас прекрасные бронзы, Адам Иваныч, я думаю, дороги? Приятно украсить комнаты такими вещами.

- Да, вещи недурные: канделябры рококо стоят две тысячи, а часы в последнем вкусе, - они называются как-то мудрено, - четыре тысячи рублей. Я, пожалуй, продам их, если сыщутся охотники... Не знаете ли вы кого? У меня нет ничего заветного: эти продам, другие достану.

- Конечно... Гм... - Петр Александрыч снова закашлялся... - Я... к вам... с маленькой просьбой.

- Что вам угодно?

- Мне нужна... не... небольшая сумма на полгода...

- Вы мне еще должны. Через месяц срок вашему заемному письму, - сказал ростовщик, понюхав из золотой табакерки.

- Я знаю... но я хотел просить вас отсрочить и переписать заемное письмо, вместе с теми, которые я хочу занять теперь.

- Нет, прежде старый долг отдайте.

- Я с большим бы удовольствием, но маменька мне тысяч пять пришлет только тогда, как продаст хлеб... а теперь... Я не знаю, будут ли у меня деньги через месяц.

- Мне-то что за дело, когда ваша маменька

продаст хлеб? Зачем же вы занимали? Если вы через месяц не заплатите, я представлю заемное письмо ко взысканию.

- Помилуйте, Адам Иваныч! я, клянусь вам, веду свои дела аккуратно, только неурожай... У меня имение прекрасное: четыреста душ.

- Это имение вашей маменьки, а не ваше.

- Ей-богу, мое... все мое...

- У вас есть документы?

- Какие документы?

- На это имение, что оно принадлежит вам?

- Все бумаги в деревне у маменьки; я, если хотите, выпишу их.

- Зачем? Не беспокойтесь: у меня нет денег. Я не могу дать вам ни гроша.

У Онагра замерло сердце.

- Ради бота, Адам Иваныч, возьмите с меня какие. хотите проценты... Мне только на полгода: вы меня этим вполне обяжете; я... мне крайняя нужда...

- Извините, не могу...

Ростовщик подошел к двухтысячным канделябрам, стряхнул с них пыль своим носовым платком и потом обратился к Онагру:

- У вас нет залога?

- Нет.

- Кто же вам даст займы так?

- Отчего же? У меня есть дядя, у которого две тысячи восемьсот душ: я его единственный наследник, и маменька пишет, что копит мне деньги.

Ростовщик улыбнулся.

- Когда ваш дядюшка и ваша маменька скончаются, тогда я вам и дам займы.

Петр Александрыч несколько обиделся и хотел идти. Ростовщик остановил его.

- А сколько вам нужно?

Петр Александрыч встрепенулся.

- Две тысячи.

- Это много, не могу.

- Ну хоть полторы?

- И это много. Я, так и быть, на риск дам тысячу двести, не больше только, как на шесть месяцев...

- Честное слово, я еще, может быть, прежде срока отдам; я не знаю, как благодарить вас, любезный Адам Иваныч.

- Погодите: ведь я еще вам их не дал.

- Полноте шутить, Адам Иваныч.

- Вы у меня брали пятьсот рублей; процентов на них за полгода приписано триста рублей, да на эти триста за полгода сто двадцать пять рублей, всего вы мне Должны девятьсот двадцать пять рублей. Так?

- Так-с...

- Вы не можете мне заплатить теперь проценты?

- Теперь нет...

- Хорошо. Нечего с вами делать, я подожду еще полгода: на девятьсот двадцать пять рублей я менее семисот пятидесяти рублей взять не могу, как хотите.

- Я сказал, Адам Иваныч, возьмите какие хотите проценты.

- Менее я ни с кого не беру без залога. Тысяча шестьсот семьдесят пять рублей, да на тысячу двести рублей за полгода процентов шестьсот тридцать рублей, а на шестьсот тридцать процентов триста двадцать... Все-го-то придется вам отдать мне через полгода три тысячи... три тысячи... семь... восемьсот... двадцать пять рублей. Согласны?

- Согласен...

- Так напишите мне сегодня заемное пись-

мо на эту сумму, а старое я вам возвращу...

Через час заемное письмо было написано, деньги получены, и Онагр сделался по-прежнему беззаботен и счастлив, и по-прежнему у него только одна мысль о соблазнительной красоте Катерины Ивановны и об интриге с светской дамой.

Он везде за нею - и в театре, и на гулянье, и в концерте, и у нее дома, и на бале у

Горбачевых, и на вечеринке у вдовы Калпинской... Играет ли прекрасная на рояле, он, облокотившись на рояль, смотрит на нее, томится и бормочет: "Charmant!" Танцует ли она с другим, он непременно около нее и беспрестанно с нею заговаривает о том, что "сердце, полюби однажды, не властно разлюбить". На эту тему настроены все его разговоры с нею.

Дмитрия Васильича он нисколько не боится, хотя и не чувствует в себе особенной храбрости.

Правда, Дмитрий Васильич очень нежен с своей супругой и не отказывает ей ни в чем, но он редко видится с нею: у него столько занятий! Он или на службе, или на бирже, или играет в вист с генералитетом и толкует о

разных коммерческих оборотах с своим искренним приятелем, прекрасным человеком. На Петра Александрыча он не обращает ни малейшего внимания. Все бы, кажется, хорошо, и Катерина Ивановна смотрит на него довольно благосклонно, только решительного объяснения между ими не было. Он ждет, чтоб она начала, - а она не начинает: может быть, и он решился бы начать, да ему никак не удастся застать ее наедине. Утром у нее сидит добродетельный старичок с огромным ртом, читает ей свои нравственные сочинения и толкует о тленности земных благ и о прочем; вечером у нее безвыходно господин высокого роста и крепкого сложения... Несносный человек! сидит и молчит или вдруг заговорит совсем некстати: "Когда, бывало, у нас в полку", или "Когда, бывало, у нас в эскадроне", потом трет свой подбородок о волосяной галстук, расправляет усы и - о, дерзость! - иногда даже в присутствии ее курит трубку... А месяц уходит за месяцем...

Впрочем, Петр Александрыч не слишком беспокоится о своей неудаче. У него воображение заменяет действительность. Он

необыкновенно живописно рассказывает своим друзьям офицерам и даже статскому с изнеженными движениями о своих коротких отношениях с Катериной Ивановной, которую он называет то Катенькой, то Катишь. Для того же чтоб придать большую вероятность своим рассказам, часто с раннего утра отправляет свои сани с блестящим кучером к подъезду г-жи Бобыниной с приказанием кучеру стоять там до вечера. "Это хорошо, - думает он, - пусть все полагают, что я у нее безвыходно!"

Офицер с серебряными эполетами мучительно завидует Петру Александрычу и, воспламененный его рассказами о Катерине Ивановне, начинает также чувствовать к ней некоторое влечение и делает ей глазки сквозь очки.

Так проходит около года. Между тем долги Онагра растут. Ему нет спасенья от кредиторов; он просыпается часу в одиннадцатом и хочет выбежать из дома, - но его передняя уже взята приступом. В передней страшный шум; голос Гришки заглушается несколькими голосами. Петр Александрыч завертывает го-

лову в одеяло и боится пошевелиться. К тому же страшный ростовщик вооружил против него квартал - и образ следственного пристава стал являться пред ним, как тень Банко.

Однажды, в самую отчаянную минуту для Петра Александрыча, когда он, бледный и совершенно потерянный, стоял среди шорника, портного, золотых дел мастера и сапожника, которые поочередно приступали к нему с угрозами, - Гришка, в оборванном сюртуке, подал ему письмо.

"От кого еще?.. Не напоминает ли кто-нибудь об долге? Почерк на конверте незнакомый".

С трепетом распечатал он конверт.

- Это от маменьки!.. Извините, господа, - сказал он шорнику, портному, золотых дел мастеру и сапожнику, - я сейчас только прочту это письмо и поговорю с вами... Я заплачу вам все деньги, ей-богу, все, через неделю, через несколько дней... Посидите здесь...

Он вышел в другую комнату и начал читать письмо:

"Спешу уведомить тебя, друг мой милый Петенька, о несчастьи, постигшем нас..."

У Петра Александрыча потемнело в глазах.

- Несчастье! А шорник, портной, золотых дел мастер и сапожник сердито перешептываются между собою... Они, жестокосердые, не тронутся никаким несчастьем... А ростовщик и управа благочиния?..

"...В ночи с 8 на 9 ноября волею божиею скоропостижно скончался от удара братец

Виктор Яковлевич. Антошка, камердинер его, сказывал мне, что накануне за обедом братец слишком много кушал буженины, которою он лакомился всегда с особенным удовольствием, и после обеда тотчас рассердился на буфетчика Прошку и побил его: еще, говорят, он никогда так не сердился. Натурально, вся кровь бросилась в голову, а желудок не успел сварить, оттого и сделался удар. То же думает и уездный лекарь наш, а он в своем деле преискусный. Мне к утру дали знать об этом горестном происшествии. Я, в чем была, села в коляску и, сама не помня как, доехала часам к трем. Когда я увидела моего голубчика на столе, так и зарыдала и упала без памяти. Исправник наш, спасибо ему, поднял меня и дал мне понюхать спирту, потом, как следу-

ет, в присутствии его и других земских чиновников все комоды и сундуки покойного опечатали. Деньгами нашли сто семьдесят пять тысяч ассигнациями, серебряною и золотою монетою. Вчера только предали тело погребению. Все было устроено прилично, и обед был хороший и сытный; нарочно для сего вынули из погреба бутылок двадцать вина самого лучшего. Больше писать не в силах, еще не могу оправиться от горести. Думаю, дружок, что ты сам не приедешь сюда, а пришлешь на все мне доверенность. Зачем тебе забираться в глушь от столичных увеселений?.. Целую тебя, бесценное мое сокровище, и проздравляю с наследством. Теперь ты сделался богачом и можешь играть большую роль в свете, а мое материнское сердце, глядя на тебя, будет только радоваться... Не забудь отслужить по дяденьке панихиду".

Петр Александрыч прочел письмо, схватил себя за голову, осмотрелся кругом - и сказал вполголоса:

- Что такое... это сон или маменька шутит? На лице его выступили красные пятна.

Он прочел письмо в другой раз, в третий,

схватил сигару и бросил ее, схватил шейный платок и стал повязывать его сверх галстука, потом снял - и бросил.

- Так дяденька умер, в самом деле умер! У меня тысяча восемьсот душ и сто...

Сколько? - он посмотрел в письмо: - сто семьдесят пять тысяч: денег!..

В ближней комнате слышались голоса шорника, портного, золотых дел мастера и сапожника.

Онагр пришел наконец в себя, значительно прищелкнул языком и с чувством собственного величия, хотя еще с мыслями не совсем ясными и с растрепанной головой, вышел к своим кредиторам.

- Вон все, сейчас же все! - сказал он повелительно, - деньги вам будут заплачены моим управляющим. Я получил тысячу восемьсот душ и сто... шесть... семьдесят пять тысяч денег...

Кредиторы сомнительно посмотрели друг на друга. Шорник шепнул немцу-сапожнику:

- Известно, хвастает! Немец-сапожник возразил:

- Йа! Квастун, квастун!

Петр Александрыч, услышав это обидное слово, в ужасном негодовании затопал ногами и закричал громовым голосом:

- Вон, все вон!

Шорник прошептал:

- Ах, батюшки, помешался, помешался! - растолкал кулаком немцев, толпившихся у двери, и первый выбежал на улицу.

Испуганные немцы последовали его примеру.

ГЛАВА V

Обаятельная сила денег. - Отрывок из петербургской философии. - Маскарад в Большом театре

Бог знает почему многие из нас пренебрегают словом человек. Это слово прекрасное и глубоко знаменательное, а оно, не имея никакого смысла отдельно, только с тремя прибавлениями, - получает в нашем обществе важный смысл: человек с именем, человек с чином, человеку деньгами.

Имя, чин и деньги - великие три слова! Перед ними открыты все двери, им везде поклон с улыбкой, почет и привет, им - крепкое рукопожатие, для них незваная пламенная любовь и непрошенная искренняя дружба!

Укажите же, читатель мой, место среди нас просто человеку?

- Человек! - закричал Онагр, лежа в неопи-санной неге на вычурном и резном диване.

Гришка - тот самый Гришка, который ходил в засаленном и оборванном сюртуке, те-

перь завитой, как баран, во фраке тонкого сукна и с аксельбантом, очень беспокоившим его, - явился пред Петром Александрычем...

- Что, еще не приносили вазы от Мадерни?

- Нет, сударь.

- Хорошо, пошел!

"Гостиная у меня, кажется, недурна, - подумал Петр Александрыч, - диван от Гамбса, бронзовые часы из английского магазина, обои от Шефера... Ваза будет здесь очень кстати..."

Все любят мою гостиную, - это очень приятно! А какой фрак сшил мне Руч, - у! какой, фрак!.."

Онагр поднялся с дивана. На нем был красный шелковый халат, малиновая бархатная шапочка с золотою огромною кистью, болтавшаяся по глазам, и азиатские туфли, беспрестанно сваливавшиеся с ног.

Онагр подошел к окну... Снег падал на улице хлопьями, вода с шумом стекала на тротуар из железных желобов. Барыня, приподняв салоп, отважно переходила через улицу, утопая в грязи и в снеге; коллежский регистратор в светло-серой шинели с кошачьим

воротником тащился, отряхиваясь и протирая глаза, залепленные снегом; горничная с платком на голове и в кацавейке бежала в мелочную лавку; мастеровой, завернувшись в свою синюю сибирку, исполински шагал чрез грязь и лужи...

"Бедные! и не боятся простуды! им ничего - грубый народ! Я так выеду сегодня в карете, иначе невозможно! А сильно тает; впрочем, скоро весна: уж февраль на исходе".

Онагр опять лег на диван.

"Какие Гамбс славные пружины делает. Мастер на это, нечего сказать. На других мебелиях мне что-то и сидеть неловко... За кем бы приволокнуться? Знаю я одну премиленькую девочку... впрочем, и Катерину Ивановну не оставлю, ни за что не оставлю...

Теперь она не уйдет от меня".

Такие мечты толпились в голове Онагра, и, убаюканный ими, он не слышал, как очутился перед ним Дмитрий Васильич Бобынин.

Онагр немножко удивился этому неожиданному посещению. Он видел у себя в первый раз Дмитрия Васильича.

- Я давно к вам собирался, милый мой Петр

Александрыч, - сказал Дмитрий Васильич, пожав руку его с особенным чувством, - да мои дела, хлопоты... Служба отнимает у меня все время, так что я не могу посвятить его немногим искренним приятелям...

- Как в своем здоровье Катерина Ивановна?

- Покорно вас благодарю. Она здорова: маленькая у нас что-то было прихворнула, теперь, однако, поправилась... Вы как поживаете?.. Кончены все ваши хлопоты? вы уж введены во владение?

- Введен...

- Ну, слава богу... Матан-то вашей бедной сколько было дела! Прекрасное именьеце вам досталось, прекрасное... Виктор Яковлич был хозяин, - ведь я его коротко знал. Село

Долговка лучшее село в губернии: в нем восемьсот душ, да земли - позвольте - земли... да... верно, около девяти тысяч десятин. Кажется, так?

- Право, не знаю.

- Вам надо иметь хорошего управляющего... у меня есть в виду человек... мы об этом когда-нибудь поговорим с вами посерьезнее...

отличный, надежный человек. Послушайте-ка,

Петр Александрыч...

Бобынин взял Онагра за руку и начал прохаживаться с ним по комнате.

- Я душевно люблю и вас и вашу маменьку и от всего сердца желаю вам добра...

Позвольте мне дать вам небольшой совет.

- Что такое-с?

- Видите ли: теперь вы человек с большим состоянием, все невольно обращают на вас внимание... третьего дня спрашивал о вас один директор - мой знакомый... вам бы хлопотать о хорошеньком местечке по службе; теперь для вас это легко, - а то вы служите без жалованья, нештатное место...

- Помилуйте, - перебил Онагр, наморщась, - ездить всякий день в департамент - это смертная тоска.

- Кто ж вам об этом говорит? Сохрани бог! с какой вам стати мучить себя!.. Вы теперь должны служить собственно только для блеска, где-нибудь по особым поручениям; честолюбие будет удовлетворено - и прекрасно.

- Это недурно, Дмитрий Васильич! - сказал

Онагр. - Как же бы это устроить?

- Ничего нет легче, и это нам не бог знает чего будет стоить; я переговорю с директором, мы это дельце и обработаем. Тогда я вас уведомя о подробностях. Вам теперь можно устроить превосходно свою карьеру: о бедном хлопотать не станут; бедный сам пробивается.

- Разумеется, для бедных есть чернорабочие должности... Покорно вас благодарю, Дмитрий Васильич; мне без вас это не пришло бы в голову.

- Я всегда рад вам служить, и маменька ваша будет этим довольна.

- Уж конечно!

Дмитрий Васильич посмотрел на часы.

- Ай-ай! Как я у вас засиделся: четверть второго. От вас мне еще нужно заехать на аукцион.

Дмитрий Васильич взялся за шляпу.

- Да... как вы думаете устроить ваш капитал?

- Я как-нибудь... я и сам не знаю.

- В ломбард отдавать не стоит... что четыре процента?.. Позвольте... ах! я и эту статью мо-

гу вам выгодно обработать. Без меня только не предпринимайте ничего решительного, а то обманут. Прощайте, мой милый Петр Александрыч, не забывайте нас - до свидания. Да без церемонии являйтесь к нам, мы всегда вам рады, как родному. Не беспокойтесь: в передней у вас немного холодно, простудиться можно.

"Чудесный человек этот Бобынин! - подумал Онагр, - отчего же он мне прежде не совсем нравился?"

Лишь только вышел Дмитрий Васильич, как дверь из передней с шумом отворилась, и в залу Онагра вбежали офицер с золотыми эполетами и офицер с серебряными эполетами.

- А, друзья! откуда?

- Я объявлю тебе новость, братец, - сказал офицер с золотыми эполетами, бросаясь на стул, - я с Машей совсем покончил, решительно поссорились; надоела, все ревнует. Знаешь фигурантку Лизу? такая быстроглазенькая, с левой стороны во второй паре третья с края; я начал волочиться за нею - вчера получил от нее записочку. Хочешь, покажу?

Офицер с серебряными эполетами ходил по комнате и рассматривал новые мебели и вещи в гостиной Онагра.

- Славные часы! что ты, мон-шер, заплатил за часы?

- Не знаю, недорого; кажется, рублей тысячу.

- Гм! И диван прелестный, а что за диван заплатил?

- Четыреста.

- Гм! Надо мне купить себе эдакий. А эти кресла с железной спинкой?

- Сто с чем-то, с какой-то безделицей.

- Гм! цвет сукна, мон-шер, мне не нравится: напрасно ты не взял вер-де-пом, у всех вер-де-пом.

- Посмотри, братец, - сказал офицер с золотыми эполетами Онагру, вынимая из кармана сафьянную коробочку и открывая ее, - купил для Лизы гранатовую браслетку.

Недурна? как ты находишь?.. Что твоя Катись подделывает? Вы с ней все по-прежнему?

- По-прежнему? Чего! с каждым днем все больше и больше привязывается ко мне. Не знаю, чем это кончится!

- А Дмитрий Васильич?

- Он у меня сейчас был.

- Мы его встретили. Мастерски ты, Петя, ведешь себя; и с мужем приятель и с женой...

Богатые дядюшки у тебя умирают...

- И мне, может быть, скоро достанется пятьсот душ, - заметил офицер с серебряными эполетами.

- Полно, братец, сочинять: я шестой год слышу от тебя это всякий день.

- Что ж шестой год! я не сочиняю...

- Не хотите ли завтракать, господа? - сказал Онагр.

- Пожалуй, я от завтрака никогда не отказываюсь. Офицер с золотыми эполетами взял

Онагра за талию, приподнял его и произнес с особенным чувством, которое передать невозможно:

- Ах, душечка, если б ты увидел Лизу!

Завтрак был на славу; однако все трое более пили, чем кушали.

- В воскресенье, messieurs, маскарад в Большом театре. Страсть моя маскарады: я все хожу в маскарадах с французскими актрисами, - сказал офицер с серебряными эполетами.

- В самом деле, маскарад? Я и забыл! Лиза непременно там, и я буду. А ты, Петя, поедешь?

- Как же не ехать?..

Маскарад в Большом театре! Как весело, под гром музыки, прохаживаются оба пола: женский пол в масках и в черных домино, а мужской пол - без масок: женский пол сам по себе, а мужской - сам по себе. Тишина и простор царят в огромной зале, только слышится однообразный шум шагов, шелест шелковых домино да бряцанье шпор. Живописно колыхаются в зале белые и черные султаны: ярко горят при усиленном освещении золотые и серебряные эполеты и аксельбанты. Львы в темных фраках и в узких желтых перчатках;

Онагры в светлых фраках с блестящими пуговицами; какие-то два господина в сюртуках и в масках; чиновник с разряженной, как на бал, супругой под ручку, и оба без масок; испанец в плисовой мантии, взятой напрокат за два с- полтиной; пастушка, претолстая, в корсете, который у нее сзади не сходится, и с пречудовищными ногами в башмаках с бантиками...

Этой картиной любуются сверху дамы и барыни, образующие своими отдельными группами цветущие оазисы среди пустыни лож... Маскарад еще не расходился. Слышите ли? начинается шушуканье, глухой говор... несколько женщин из этой толпы уже об руку с мужчинами; несколько пар пронеслось мимо вас; раздался пронзительный женский писк; проскользнула ножка, пленительно выставившаяся из-под распахнувшегося домино, промелькнула чудесная талия... вот и знакомец наш, господин высокого роста и крепкого сложения. Он ведет даму в коричневом домино с голубыми бантиками, потирает свой подбородок о крепкий волосяной галстук и подергивает усами, а сзади этой пары - Онагр. Он идет и думает:

"Неужели это Катерина Ивановна? Кажется, что она?.. Охота же ей ходить с этим усачом. Разве не нашлись бы для нее кавалеры?.."

- Бо-маск, я вас узнал, - сказал Онагр, подойдя к коричневому домино.

Господин высокого роста шевельнул усом, а его дама обернулась к Онагру и запищала

по-французски:

- Неправда, вы ошибаетесь...

"Шутки! - подумал Онагр, - это, точно, она".

- Вы не умеете скрыть своего голоса, - продолжал он, - но я и без того узнаю вас, как бы вы ни замаскировались.

В эту минуту мимо Онагра прошел лев. Лев говорил своей маске: ты. Это ты немного смутило Онагра.

Коричневое домино оставило своего усача и взяло за руку Онагра.

- За кого вы меня принимаете?

- Твое имя начинается с буквы...

На местоимение твое он сделал сильное ударение.

- С какой?

- С буквы К... Коричневое домино засмеялось.

- Потому что у меня коричневое домино?.. Угадали?

- Полноте притворяться... Вас... тебя можно узнать по твоему кавалеру...

Она вздрогнула.

- Отчего по моему кавалеру?.. Я его не знаю, я первый раз встретила его здесь.

Онагр начал колебаться.

"А может быть, это и не Катерина Ивановна? Кто ее знает?.."

- Тебе весело здесь, бо-маск?

- Весело...

Они прошли несколько шагов молча.

"Неловко как-то говорить с этими масками! Ничего в голову нейдет".

Навстречу им попало черное домино с черным шишаком на голове... Это домино подошло к той, с которою прохаживался Онагр, и сказало:

- Катишь, я тебя давно ищу. Я потеряла Дмитрия Васильича...

- А, Катерина Ивановна! Теперь вам нечего скрываться. Видите ли, я узнал вас...

- Не стыдно ли тебе, ма-шер, изменить мне? - с упреком произнесла Катерина

Ивановна, обращаясь к своей приятельнице с шишаком и качая головой. - Вот Дмитрий

Васильич, поди к нему, а я немного пройду с Петром Александрычем и буду вас ждать с левой стороны у первого бенуара.

"Она хочет пройтись со мною: это недаром!" - подумал Онагр.

- Мне сердце сказало, что это вы, - начал он, прижимая как бы нечаянно локоть ее к своему боку.

- Сердце? Вы мне сказали, что узнали меня по моему кавалеру.

- Он мог идти и не с вами, а сердце мне...

Офицер с серебряными эполетами подбежал к Онагру и шепнул ему на ухо:

- С кем это ты идешь, мон-шер? Кажется, хорошенькая! О чем вы говорите? - потом он закричал: - Я сейчас ходил все с какой-то аристократкой. Она говорила мне разные нежности: у них пресвободное обращение, мон-шер.

- Не мешай мне, пожалуйста... Мне надо поговорить с моей дамой.

Офицер улыбнулся, присвистнул, осмотрел с ног до головы коричневое домино и исчез.

Онагр продолжал:

- Сердце никогда не обманывает... оно... оно...

- Приезжайте послезавтра обедать к нам, - сказала Катерина Ивановна рассеянное, чем обыкновенно; и, говоря это, она как будто искала кого-то в толпе: - приедете?

- Непременно.

- Я давно хотела говорить с вами, я хотела... Вы знаете этого адъютанта, вот, что стоит один, с белым султаном?

- Знаю, а что?

- Так... об нем я много слышала от одной моей приятельницы... Она... Ах... я и позабыла... Завтра большой бал у Горбачевой. Вы будете?

- Буду.

- Я с вами танцую четвертую и шестую кадрили... Слышите? Мне надо поговорить с вами о многом.

- Я всегда к вашим услугам. Назначьте час, минуту, секунду...

Онагр был счастлив; он весь превратился в улыбку самодовольствия, он думал:

"Я на одну черту от блаженства".

- Подойдемте к адъютанту, я буду его мистифицировать...

Она оставила Онагра и шепнула ему:

- Помните, до завтра.

- До завтра! - повторил он выразительно.

Господин высокого роста и крепкого сложения, следивший за коричневым домино, мрачно взглянул на адъютанта и на Онагра;

усы его пошевелились с какою-то торжественностью, а губы сделали такое движение, как будто он затягивался...

Долго прохаживался Онагр по залам, поглядывая на маски в золотой лорнет, но они не обращали на него внимания; одна только мимоходом пропищала ему: "Bon soir!", а другая, у которой на руках были широкие темно-бурые перчатки, погрозила пальцем. Он искал

Катерины Ивановны и адъютанта - и не находил их.

"Странно! - говорил он сам себе, - маски сами должны бы подходить ко мне: теперь, верно, уж всему Петербургу известно, что у меня тысяча восемьсот душ и сто семьдесят пять тысяч..."

Он остановился... легкий трепет пробежал по его членам: в двух шагах от него стоял лев, против которого два раза удалось ему обедать за общим столом у Дюме...

- Comment votre sante? - сказал ему Онагр робким голосом, краснея и прикладывая дрожащую руку к шляпе.

Лев едва заметно пошевелинулся и с вели-

чем львиным произнес:

- Здравствуйте.

Это "здравствуйте", переведенное с львиного на человеческий язык, означало: "Что тебе надобно от меня? Зачем ты мне кланяешься?"

- Сегодня в маскараде много публики, - продолжал Онагр еще с большею робостью.

Лев пробормотал: "Да", и отодвинулся от Онагра.

Онагр запел про себя какую-то песенку, споткнулся, поправил шляпу и виски и подскочил к толстой госпоже в маске и в белом кисейном платье.

- Бо-маск! Отчего вы одни? Тебя не занимает маскарад?

Кисейное платье молчало.

- Ты не хочешь говорить со мной?

Кисейное платье повернуло голову к стене.

- Зачем вы отвертываетесь?

- Отстаньте! - закричало кисейное платье. -

Что вы пристали-то?

- Зачем вы сидите одни? Пройдемтесь со мною.

- Не на такую напали: у меня есть свой ка-

валер. Прошу не беспокоиться.

Нечего было делать. Онагр отошел от грозного кисейного платья и принужден был прогуливаться один. Ему становилось скучно, он уже зевнул раза два и посмотрел на часы. К счастью, в эту минуту окружили его несколько приятелей, известных танцоров и любезников среднего круга. Он сделался центром этого избранного кружка, и между ними тотчас завязался живой и остроумный разговор. Вдруг, в самом пылу разговора, Онагр почувствовал легкое прикосновение к своему плечу; он обернулся: возле него стояла в театральной позе женщина в черном и коротеньком домино.

- Я вас знаю, - сказала она.

- В самом деле?

Онагр предложил ей свою руку и отправился с нею.

- У вашего кучера светло-голубая шуба и глазетовый кушак, - продолжала она.

- Точно. Ты говоришь правду, бо-маск.

- Вы недавно получили большое наследство.

- И то правда; впрочем, я всегда был богат.

- Вы всё ходите по Невскому.

- Хорошо. Еще что?

- Вы влюблены в одну даму, которую зовут Катериной Ивановной, и она отвечает вам.

- Diable, бо-маск! Все верно как нельзя больше! Почему же ты это знаешь?

- Скоро состаретесь, не скажу. Вы все, мужчины, прелюбопытные.

- Нет, женщины гораздо любопытнее.

- Извините. А сказать вам, как вас зовут?

- Скажи.

- Петр Александрыч.

Онагр стал заглядывать под маску.

- Полноте, что это вы?

- Снимите маску.

- Что вы, с ума сошли?

- Отчего?

- Вы часто мимо наших окон ездите.

- А где ты живешь?

- Отгадайте.

- Я отгадывать не умею.

Онагр снова заглянул под маску и пожал таинственной незнакомке руку.

- Зачем вы со мной ходите? На вас рассердится Катерина Ивановна.

- Пусть ее сердится.

- Как же: ведь вы влюблены в нее? Вам друзьями нельзя заниматься.

- Очень можно.

- Стало быть, вы ветреник?

- Хочешь испытать мое постоянство?

- Я вас боюсь... Какая у вас миленькая цепочка!

- Тебе нравится? Хочешь, я прикую тебя к моему сердцу этой цепочкой?

Однако в припадке нежностей и в жару объяснений Онагр почувствовал аппетит.

- Бо-маск, хочешь со мною ужинать?

- Пожалуй.

- Ты любишь трюфели, бо-маск?

- Мне все равно.

И они начали взбираться по лестнице в верхние залы. На половине лестницы маска сказала Онагру:

- Вернемтесь.

- Зачем?

- Так.

Перед Онагром и его неведомой спутницей очутился офицер с золотыми эполетами.

Он пристально посмотрел на последнюю.

- Поздравляю тебя, братец, - шепнул он Онагру.

- С чем?

- Да знаешь ли, кто твоя дама?

- Нет.

- Это Маша, моя старая приятельница. Посмотри, она на меня сердится, отворачивается от меня, - а славная, братец, девочка. Конечно, далеко не то, что Лиза... Мы с

Лизой выдумали сейчас свой язык, - она будет вести со мною разговоры со сцены.

- Так это Маша? Вот что!.. Ты ей рассказал все мои секреты?

- Что ж за беда?

- Нет, ничего... "Гм! - подумал Онагр, - очень кстати: у меня будет связь в обществе и связь на сцене: это необходимо для настоящего светского человека; об этом и Бальзак пишет, и вся петербургская молодежь большого света придерживается этой моды. Я буду кататься, как сыр в масле".

За ужином Маша совершенно подружилась с Онагром. Она развязала на минуту свою маску и вскользь показала ему свое личико. Он был в восторге и от ее красоты, и от

ее любезности. Она кушала с аппетитом и довольно часто прикладывала бокал к своим губам, грациозно поддерживая кружевную бородку своей маски. После ужина Онагр, проходя мимо офицера с золотыми эполетами, сказали ему:

- Решено, душа! какую я квартиру найму для нее, как одену ее - точно куколку...

Было около трех часов. Залы пустели; отчаянные гуляки допивали последние бокалы и, покачиваясь, сходили вниз... В ложах давным-давно никого. Какой-то пьяный фронт в светло-синей венгерке с черными шнурками, причесанный а la moujik, кричал музыкантам:

"Довольно!.. Я вас не хочу больше слушать!" Какие-то сомнительные физиономии ходили взад и вперед, с неудовольствием поглядывая на крикуна; квартальный надзиратель стоял посреди залы, величественно подбочась; капельдинер дремал у боковой двери, да штатский с изнеженными движениями сидел у самого оркестра и не сводил глаз с музыкантов, потому что он был меломан.

Скоро и музыканты начали собираться до-

мой.

Все разошлись и разъехались... Все...

Нет, не все еще: облокотись на прилавок, где разбирают шинели и шубы, стоял офицер с серебряными эполетами и страстно смотрел сквозь очки на толстую пастушку, у которой сзади не сходился корсет. Пастушка была уже без маски: пот градом катился по ее воспаленному лицу, и она обвевала его носовым платком.

Огни потухали в окнах театра.

ГЛАВА VI

Бал

Праздник за праздником: сегодня маскарад, завтра бал.

Одиннадцать часов вечера. У подъезда дома, где живет г-жа Горбачева, три кареты четвернями, карет шесть парами и несколько саней в одиночку... Как светло в окнах бельэтажа! Сколько на окнах треугольных шляп с султанами!.. Бал, бал!

Двери из танцевальной залы в переднюю открыты, музыканты занимают половину передней, за ними лакеи и шубы; Гришка с аксельбантами снимает шинель с своего барина.

На Онагре белый атласный жилет с цветами, синий фрак только что с иголки, украшенный бронзовыми пуговицами величиной в пятак; золотые цепи от часов и от лорнетов; изумрудные запонки на рубашке; голова Онагра в завитках; он весь пропитан духами...

Музыка гремит!.. Онагр входит в залу. У са-

мых дверей офицер с серебряными эполетами хохочет и танцует с m-lle Неврёзовой...

- Бон-суар, мон-шер! - закричал офицер, увидя Онагра. - Что, из театра? Бурбье хорошо играла? Какое на ней было платье?.. Отчего ты так поздно?

- Как поздно?.. - Онагр испугался. - Который это кадрили танцуют?..

- Третий, мон-шер.

"Слава богу! - подумал Онагр. - Что, если б я опоздал? Беда! Ведь на четвертый кадрили меня ангажировала сама Катерина Ивановна".

- Славная, мон-шер, на тебе жилетка, - продолжал офицер, - самая модная. А мы сейчас всё об тебе говорили.

Он посмотрел на свою даму.

Онагр поклонился m-lle Неврёзовой и сказал ей:

- И я так счастлив, что вы вспомнили обо мне! M-lle Неврёзова - девица средних лет, с черными выпуклыми глазами, с венком на голове и с перетянутой талией, играя небрежно своим двойным лорнетом, отвечала с расстановкою, придавая своим словам таин-

ственность:

- Мы... да, мы говорили об вас...

- Что же вы говорили обо мне?

- Ас чего вы взяли, что я вам открою это?

- Если вы не скажете мне, так он расскажет, - заметил Онагр, указывая на офицера.

- Вы думаете? Верно, т-г Анисьев не будет так нескромен.

Офицер громко засмеялся, посмотрел с чувством на свою даму и закричал:

- Не скажу, мон-шер, не скажу ни за что; это секрет! Ведь вы не прикажете сказывать?.. Нам начинать... Пермете.

Офицер подал руку своей даме.

Онагр начал пробираться между танцующих, раскланивался направо и налево и высматривал хозяйку дома.

Г-жа Горбачева была в страшных суетах: она порхала от одного гостя к другому, от одной гостьи к другой; она каждому и каждой находила сказать что-нибудь приятное и эти приятности сопровождала обязательной улыбкой.

Онагр поймал ее в комнате за гостиной, где Дмитрий Васильевич Бобынин играл в

вист с прекрасным человеком и с двумя генералами.

- Же-ву-салю, мадам, - сказал Онагр, натягивая на руку желтую перчатку.

- Отчего так поздно, Петр Александрыч? Мы вас давно ждем.

- Я прямо к вам из французского спектакля; впрочем, я долго ждал своей кареты: эти разъезды, знаете, пренеприятные.

- Vous avez raison! Как вы еще поспеваете везде? я удивляюсь вам: вы можете служить образцом светского человека: право, это врожденное, я вас всегда ставлю в пример моему мужу: он у меня такой бирюк...

Онагр самодовольно пожимался.

- Надеюсь, Петр Александрыч, что вы не станете отказываться от танцев. Пожалуйста, одушевите всех кавалеров своим примером. Распоряжайтесь всем; я вам даю право; ангирируйте поскорей даму на следующий кадрили.

Онагр кивнул головой и хотел отправиться в залу к Катерине Ивановне, но Дмитрий Васильич остановил его.

- Как вы поживаете, мой любезный Петр

Александрыч? - сказал он, протягивая ему руку, - наклонитесь-ка на два слова. Директор, о котором я говорил вам, здесь, и я сегодня же представлю вас ему... Ваше превосходительство, ваш ход...

Онагр отошел от карточного стола и попал прямо на хозяина дома - человека лет двадцати восьми, у которого глаза цвета вареного крахмала.

- Шарме де ву вуар! - сказал хозяин дома. - Вы сейчас только приехали? Ну, очень рад.

Дансе, же ву при. Сегодня у нас собралось много, и столько генералов, что я не ожидал даже.

Жаль только, что княгиня Елена Васильевна не будет: занемогла, а то бы она непременно была; ей очень весело у нас - она мне сама говорила это.

"Оно и лучше, что не будет, - подумал Онагр, - а то за нею вечно кавалергарды и эти львы; а при них что-то не совсем свободно".

- Так княгини не будет? Ах, как досадно! - закричал он, - вообразите, последний раз здесь она дала мне слово танцевать со мною кадрили... Может быть, она еще приедет?

- Нет, я уж два раза ездил сегодня просить князя... Князь мне сказал, что у нее флюс и что при всем желании она никак не может быть.

В эту минуту музыка умолкла, третий кадрили кончился.

Онагр пустился отыскивать Катерину Ивановну.

Катерина Ивановна, вся в брильянтах, вся в цветах и блондах, сияющая и великолепная, сидела в зале, обмахивая себя веером и разговаривая с тем самым адъютантом, о котором она спрашивала в маскараде. Она обращала на себя всеобщее внимание: толстые маменьки, не игравшие в карты и разместившиеся около стен залы, отирая пот с лица, искоса на нее поглядывали и рассуждали о том, сколько тысяч стоит ее фермуар и собственный ли он ее или взятый у кого-нибудь для бала; тоненькие дочки, ослепленные ее туалетом, находили, что она одета вовсе не к лицу; а фраки и мундиры, как нарочно, в опровержение этого толпились около нее и ей посвящали свои отборные фразы и свое остроумие.

Онагр подошел к ней, взглянул на нее и

подумал: "Она царица бала. Меня здесь многие называют счастливецом, глядя на нее, потому что я уверил... Впрочем, сегодня должно решиться все... Какая ручка пухленькая, беленькая, так бы и поцеловал ее!"

- Четвертый кадрили сейчас начинается, - сказал он ей, кланяясь и закладывая палец за жилет. Эту львиную привычку он не так давно перенял.

Она подняла на него свои глазки и опустила их, потом опять подняла и опять опустила, поправила свой фермуар и произнесла немного нараспев:

- А я думала, что вас нет.

- Меня не было: я приехал к четвертому кадрилию.

- Д-а-а?

Она приподнялась со стула и уронила веер. Адъютант и Онагр бросились поднимать его, но он достался в руки адъютанта, и адъютант; подавая его Катерине Ивановне, был награжден за свою ловкость многозначительной улыбкой.

Онагр покраснел и занялся поправлением своего галстука. Между тем они стали в ряды

танцующих.

- С каким нетерпением ожидал я этой минуты, - оказал Онагр, - сегодня целый день для меня тянется так долго... я вас видел во сне.

- Какой скучный сон!

Она то складывала, то разворачивала свой веер.

- Напротив...

- Вы долго оставались вчера в маскараде?

- Нет... а вы исполните вчерашнее обещание?

- Какое? разве я что-нибудь обещала вам?

- Вы хотели говорить со мною.

- О чем?

- Вы сказали мне, что вам надобно объяснить со мной о многом.

Катерина Ивановна начала бить такт веером по своей ручке и как будто задумалась.

"Женщине нелегко открывать свои чувства, - подумал Онагр, - это естественно... она не знает, как приступить к такому щекотливому разговору".

- О чем же вы задумались?

- Какая у меня слабая память! Что бишь такое я хотела сказать вам?

"Притворяется, будто не помнит".

- Вспомнила! вспомнила! Она подняла глаза к потолку.

Онагр сделал три шассе вперед, три шассе назад, взял ее за руки, повернулся с нею и бросил на нее один из тех взглядов, для которых нет выражения.

- Вспомнили? Скажите поскорей, не мучьте меня.

- Нет, я раздумала, я не хочу говорить.

...

- Ах, мои батюшки! да что это такое? - закричала сзади танцующих генеральша

Питковская, отскакивая от лампы, - да на что это похоже, масло с ламп каплет!.. посмотрите, бога ради, матушка Анна Ильинишна, что мантилья-то моя, я думаю, совсем испорчена? Да сюда нельзя, я вам скажу, хороших вещей надевать.

Анна Ильинишна смотрела на мантилью и покачивала головой:

- Жаль, вещица-то прекрасная! Большие два пятна, Пелагея Ивановна!

Генеральша Питковская побагровела, сдержала с себя мантилью и с ужасом увидела

пятна. Около нее собрались пожилые и толстые дамы... Они все закивали и замотали головами.

Вдова Калпинская, vis-a-vis Катерины Ивановны во время соло, иронически улыбаясь, сказала ей:

- Какая забавная сцена! Не-спа?

Катерина Ивановна смеялась и закрывала себя веером.

- Что же? вы не сдержите своего слова, вы не скажете мне... - шептал Онагр, наклонясь к плечу Катерины Ивановны.

- Не скажу, не скажу и не скажу.

- К чему же такое упрямство?

- О, я очень упряма! вы меня не знаете...

Она прищурилась и вздохнула. Грудь ее роскошно поднялась, как волна, и опустилась.

Боже, какая грудь! Мурашки пробежали во внутренности Онагра.

- О чем вы вздохнули?

- Так. Хотите, чтоб я была с вами откровенна?

- Я об этом только и прошу вас.

- Мое упрямство теперь происходит оттого,

что мне нечего сказать вам. В маскараде всегда мистифируют, и мне вчера захотелось вас помистифировать. Вот и все.

Кадриль кончился.

Мечты Онагра вдруг развеялись, он упал с неба на землю, он был ужасно недоволен такой прозаической развязкой.

- А шестую кадрию вы танцуете со мною? - спросил он у Катерины Ивановны, не глядя на нее.

- Шестую? Нет, я дала слово.

- Как! это тоже была маскарадная мистификация?

- Разве я обещала танцевать с вами шестую кадрию?

- Обещали.

- Неужели? Ах, простите меня, пожалуйста! Теперь нечего делать: я скорей решусь быть виноватой перед вами, чем перед человеком, которого я не так знаю.

Онагр холодно поклонился Катерине Ивановне и хотел идти.

- Вы не сердитесь на меня?

- Нет, помилуйте.

"Она заважничала, - думал он, - оттого, что

я за ней слишком ухаживаю. Хорошо же!

Я стану волочиться за всеми, кроме ее; надобно показать, что я не дорожу ею, что для меня все равно, она или другая. Посмотрим, кому она дала слово на шестую кадрили!.."

Проходя мимо стульев, где сидели маменьки, Онагр должен был беспрестанно останавливаться, потому что маменьки наперерыв одна перед другою старались очаровать его своею приветливостию.

Особенно нежно смотрела на него одна действительная статская советница лет пятидесяти четырех, которая сидела, вытянутая как струнка, моргала веками, поворачивалась будто на пружинах и необыкновенно мило и искусно шевелила своими губками. У этой действительной статской советницы была рыжая дочка лет двадцати шести...

- Я все смотрю на вас, мсье Разнатовский, - сказала она нашему герою с тою умилиительною жеманностию, которая называется обыкновенно светскостию, - как вы всегда со вкусом одеты.

Онагр поклонился ей с чувством полного удовольствия.

- Признаюсь, мне нравится, когда молодые люди обращают внимание на свой туалет.

А что, вы достали для моей Нади ноты, последний романс Глинки? Это немножко недекоративно, что я напоминаю.

- Я привезу вам на днях.

- Надя, Надя! поди сюда, мой друг. Вот Петр Александрыч так добр, что привезет нам романс Глинки...

Она поправила брошку на груди дочери.

- Merci, monsieur, - сказала рыжая дочка.

- Вы не ангажированы на этот кадрили? - спросил у нее Онагр.

- Non, monsieur.

- Позвольте мне танцевать с вами?

- Avec plaisir, monsieur.

Статский с изнеженными движениями не танцевал; он кочевал из комнаты в комнату, повертывая своей тросточкой с бирюзовым набалдашником и поглядывая на все и на всех насмешливо.

- Здесь очень скучно, - сказал он Петру Александрычу, - я здесь никого не знаю, кроме madame Бобыниной. И как душно! меня сегодня звал князь Петр Иваныч на вечер, но

мне совестно было отказать Горбачеву.

- Да, прескучно, - закричал, подбегая, офицер с серебряными эполетами, - а вы никогда не танцуете?

- Редко.

- Хочешь быть, мон-шер, моим визави? - продолжал офицер, обращаясь к Онагру, - я танцую с премиленькой; она недавно показала в свете, только что из Москвы или из деревни откуда-то приехала; я люблю все новенькое. Жаль, не так молода - лет двадцати слишком, дочь полковника, отлично воспитана. Что же, мон-шер, будешь моим визави?

- Изволь, братец.

Онагр ангажировал хозяйку дома и избрал для своего поприща самое видное место.

Офицер с серебряными эполетами стал напротив с своею. Онагр с высоты величия взглянул на провинциалку.

- Ай, ай! какая странная, а ведь хорошенькая!

В самом деле, она была недурна. Черные волосы, густыми локонами спускавшиеся до плеч, длинные полуопущенные ресницы, черты лица тонкие и нежные, прозрачность ко-

жи, стан высокий и стройный, простота убора - все это показалось необыкновенным Онагру и как-то, не совсем сходилось с его понятиями о красоте и светскости... А хорошенькая!..

Офицер никак не мог ходить; он бегал, прыгал, суетился около нее, кричал ей на ухо, и она едва поспевала за ним следовать и решительно не поспевала отвечать на его вопросы...

В этой паре было что-то комическое.

- Не правда ли, мон-шер, порядочное личико? - бормотал офицер, делая фигуру и подскакивая к Онагру, - только робка чересчур, мало говорит, это ничего - пооботрется.

- Конечно... - Онагр, однако, думал совсем не о ней, а о Катерине Ивановне, которая танцевала и кокетничала с адъютантом.

Изнеженный статский подошел к хозяйке дома.

- Знаете ли, Елена Сергеевна, - сказал он, обращаясь к ней и к Онагру; - эта девица, которая танцует с господином Анисьевым, точно, интересна, она очень похожа на княжну Б...

- Неужели? - воскликнул Онагр, внимательнее посмотрев на девушку.

- Что вы думаете? именно похожа! - произнесла хозяйка дома, также взглянув на нее.

- Даже и в манере ее есть как будто сходство с княжной...

- Неужели и в манере?

Онагр еще пристальнее посмотрел на девушку. Изнеженный статский был для него авторитетом.

- Мне чрезвычайно нравится ее отец, - сказала г-жа Горбачева, - такой балагур, шутник и с такими здравыми понятиями обо всем. Он прежде командовал полком и никак не мог сойтись с своим бригадным генералом, оттого и вышел в отставку. Прежде он с семейством жил в Москве, а потом в своей тверской деревне. В Петербурге они не более месяца.

- Шармант персонь! - сказал Онагр.

- Меня что удивляет, - продолжала г-жа Горбачева, - ведь она почти не была в свете, а, несмотря на это, тре-жантиль!

Через четверть часа девица с черными локонами сделалась вдруг предметом всеобщего внимания.

Онагр спешил ангажировать ее на мазурку.

Господа офицеры и статские франты стекались изо всех комнат в залу смотреть на девицу с черными локонами.

- Она похожа на княжну! - слышалось повсюду.

- Как две капли! - кричал офицер с серебряными эполетами, бегая по зале, - я первый заметил это сходство. И говорит точно княжна; я с княжной несколько раз танцевал, - и напрыскана духами heliotrope, как княжна; только вальсирует неловко, руку не умеет держать, оттого она и мало вальсирует. Я люблю вальсировать с m-lle Неврëзовой - та ловкая!

Мазурка! мазурка!

Онагр поставил стул для своей дамы. Катерина Ивановна в первой паре уже летит с адъютантом. Адъютант рассыпается перед Катериной Ивановной и выдумывает беспрестанно какие-то новые, трудные фигуры. Онагр рассердился на адъютанта; а на

Катерину Ивановну, - о! на нее он и смотреть не хочет. Его начинает сильно занимать

девица, похожая на княжну. Он любезничает с нею изо всех сил, он говорит без умолку, а она только слушает, она кажется утомленной... Но вот музыка смолкла, усталые и тяжело дышащие кавалеры и дамы разбрелись по разным комнатам в ожидании ужина...

"Нечего сказать, прелесть как хороша, а не разговорчива! - подумал Онагр, расставаясь с девицей, похожей на княжну, - будь она немного повеселее и поживее да понаряднее, тогда бы просто свела с ума".

Офицер с золотыми эполетами, по своему обыкновению, явился после мазурки.

- Я, братец, кажется, в самую пору, - сказал он Онагру. - Что, накрывают ужинать?

Сядем за ужином вместе. Ну что, весело было?

- Да. С какой душечкой я танцевал мазурку! Постой, я тебе покажу ее.

Онагр схватил офицера за руку. Они обежали все комнаты, но нигде не нашли ее.

- Видно, уехала.

- Брюнетка или блондинка?

- Брюнетка.

- Лучше Лизы, братец, брюнеток я и не ви-

дал, признаюсь тебе. А что твоя Катерина Ивановна?

- Ничего! надоела, братец; я с ней рассорился; хочу как-нибудь отделаться от нее.

Дмитрий Васильич сыграл пятнадцать робберов в вист, расправил свои одеревеневшие члены, пройдясь раза два по комнате, и подвел Онагра к директору.

- Вот, ваше превосходительство, господин Разнатовский, о котором я говорил вам.

- Очень приятно познакомиться, - сказал директор, протягивая руку, - что, я думаю, устали, много танцевали?

- Да-с.

- Я говорю, ваше превосходительстве, что надобно служить молодому человеку, - заметил Дмитрий Васильич, - не правда ли?

- Как же не служить? А вы, верно, боитесь службы? Служба не так страшна, как вы думаете; не бойтесь. Мы вас не замучим.

Онагр поклонился.

- Приезжайте, когда вам можно будет, ко мне вместе с Дмитрием Васильичем. Я рад всегда видеть вас у себя, мы потолкуем с вами.

- Чем, ваше превосходительство, изволили кончить вист? - сказал подошедший в эту минуту хозяин дома, с чувством смотря на директора.

- Выиграл, выиграл!

- Мне весело, ваше превосходительство, что вы у меня в доме изволите, кажется, выигрывать по большей части.

- Да, да, странно! у вас мне какое-то особенное счастье. Я к вам буду чаще ездить.

Директор благосклонно захохотал.

- Милости прошу, ваше превосходительство; такие гости, как вы...

Хозяин дома не прибрал окончательной фразы, низко поклонился и потом еще с большим чувством посмотрел на директора.

После этого в зале началась кутерьма; лакеи носили плитки с одеколоном, раздвигали столы, откупоривали бутылки, гремели тарелками и стаканами.

Ужин готов.

Дамы сели за особенным столом; около них поместились только два или три записные любезника, и, между прочим, адъютант возле Катерины Ивановны.

"Холодная, бездушная кокетка! - сказал Онагр самому себе; покосясь на нее, - и нашла по себе молодца: этот адъютант глуп, пусть его вздыхает. Она меня не завлечет теперь в свои сети, нет! После и станет раскаиваться, да поздно..."

Утешив себя этою мыслию, Онагр наложил полную тарелку чего-то вроде майонеза и налил полный стакан вина.

Офицер с серебряными эполетами был чрезвычайно доволен ужином: он пил более всех и все говорил, что после ужина надобно затеять непременно гросфатер.

Онагр не дождался гросфатера и уехал.

Он лежал в карете; ему мерещилась девица с черными локонами, похожая на княжну...

"Какой рост и какая талия, чудо! Что, если бы надеть на нее бархатный капот и пройтись с нею по Невскому? все бы останавливались и смотрели..."

Глаза его слипались.

"А что, не жениться ли мне?"

При этой блестящей мысли он заснул.

ГЛАВА VII

Старый кавалерист и его семейство. - Успехи
Онагра

На другой день после бала г-жи Горбачевой Онагр проснулся часа в два, оделся и поехал к Маше; однако лицо и стан девушки с черными локонами все мелькали перед ним.

Машей он был доволен и тотчас же приказал нанять для нее квартиру, сам выбрал ей мебель и записался по ее просьбе в "Библиотеку для чтения" Смирдина, потому что она охотница до романов. Маша завелась своим хозяйством; Онагр всякий день у нее, и часто по вечерам они ездят в обшешнях тройкой в Екатерингоф или на Крестовский остров. Эти поездки особенно веселы... Жаль только, что зима проходит и дорога портится.

Однажды (это было в первых числах марта) Онагр ехал по Гороховой улице, а офицер с серебряными эполетами перебежал через дорогу...

- Пади! - закричал ему кучер Онагра.

Офицер обернулся.

- А, мон-шер, это ты! Же-ву-салю. Чуть не задавил меня... Постой на минутку...

Онагр приказал остановиться. Офицер подбежал к саням...

- Куда, мон-шер? Слякоть ужасная; к святой, верно, не высохнет, под качелями будет грязно; жаль!

- А ты куда? Что подельываешь? - спросил Онагр.

- Был с визитом у Змеевых, мон-шер.

- Кто это Змеевы?

- Будто ты не знаком с ними? Приятный дом, мон-шер: отец славный малый и мать добрая старушка, а о дочке и говорить нечего, - знаешь, что на княжну похожа... Ты с ней у

Горбачевых танцевал. Я с ними познакомился сейчас после бала.

- Ах, братец, представь меня к ним! Ты мне сделаешь большое одолжение.

Девица с черными локонами явилась Онагру опять во всей красе своей; опять пришла ему в голову мысль, как бы хорошо надеть на нее бархатный капот и пройти с нею по

Невскому.

- Изволь, мон-шер, представлю, когда хочешь; я у них почти свой в доме, на короткой ноге, меня все любят; завтра же скажу им о тебе; отец охотник до лошадей, а у тебя славные лошади... Прощай.

- Смотри же, представь.

- Конте-сюр-муа, мон-шер.

Дня через три Онагр с офицером явились к Змеевым.

Отставной полковник-кавалерист, среднего роста, полный, с большими черными усами, с проседью, в венгерке с кистями, прохаживался в своем кабинете и пробовал хлыстик. Кабинет украшался токарным станком, двумя черкесскими кинжалами, винтовкой, коллекцией черешневых чубуков и двумя гипсовыми лошадьми.

Офицер представил Онагра полковнику.

Полковник пожал ему руку - и так крепко, что Онагр едва не вскрикнул.

- Без церемонии, господа, я привык по-военному, прошу садиться - диван не мягкий, а сидеть можно.

- Как в своем здоровье Дарья Николаевна и

Ольга Михайловна? - спросил офицер.

- Здоровы, здоровы; спасибо: у жены сидит Иконин, нравоучительные книжки ей читает; она любительница проповедей: старухе, впрочем, больше нечего и делать. Мы же, кавалеристы, не слишком жалуем красноречие. Нам подавай коня, пороху, дыму, стишков

Дениса Васильича...

Полковник носовым платком разгладил усы и захохотал.

- Да, Михайло Андреич, мы, военные, совсем не то, что эти статские. (Офицер с серебряными эполетами указал на Онагра.)

- Вы военные? С какой стороны вы военные? С чего вы это взяли? Вы, сударь, не военные, а так, ни то ни се, ни рыба ни мясо, - вы, я думаю, и пули-то не отличите от мячика; у вас и усов нет!

Полковник засмеялся и обратился к Онагру:

- А я слышал, что вы охотник до лошадей. Что, у вас хорошие лошади?

- Все заводские, дорогие лошади.

- Рысаки-с?

- Рысистые, особенно один гнедой жереб-

чик.

- Орловский?

- Конечно, настоящий орловский.

- Это хорошо, это я люблю. Нынешние вольнодумцы всё толкуют о скаковых лошадях; всё, видишь, подавай им от Эклипса. Вздор! Скакуны ни к черту не годятся... От

Сметанки или от Безыменного - почище будут. Бывало, я вам скажу, как Проворный побежит, весь на воздухе, - так, глядя на него, дух занимается. Любопытно посмотреть ваших лошадок. Я вам имею честь рекомендоваться, милостивый государь, я знаток в лошадях, я старый кавалерист, через мои руки прошло их довольно.

Полковник рассек воздух хлыстиком.

- Очень довольно! И чего я не испытал на своем веку! Сквозь огонь и воду прошел...

Пойдемте; я вас моей старушонке отрекомендую.

Он бросил хлыстик на стол.

Жена полковника, худая, желтая, сторбленная, в чепце, сидела против добродетельного старичка с огромным ртом и благоговейно слушала его проповеди, которые он читал с

чувством и с расстановкой.

Дочь полковника вышивала у окна. Голова ее наклонялась к самой канве, и длинные черные локоны почти закрывали лицо.

- А вы еще все читаете, - сказал полковник, войдя в гостиную, - извините, что помешал, нельзя, гостей веду.

- Вот моя жена, а вот дочь, - продолжал полковник, смотря на Онагра, - я третий, и все семейство налицо. Прошу нас любить да жаловать.

Онагр расшаркался перед полковницей, потом перед ее дочерью и заложил палец за жилет.

Девушка подняла голову, откинула от лица свои локоны, посмотрела на офицера и на

Онагра, привстала едва заметно и потом снова наклонилась к канве.

Полковница сказала Онагру:

- Я уж, кажется, имела удовольствие видеть вас у Елены Сергеевны Горбачевой.

- Да-с, я был у нее на бале.

- Садитесь, господа, без церемоний, и поболтаемте о чем-нибудь.

Полковник сел первый, откинув назад

кисть своей венгерки.

- Милая дама Елена Сергевна; она мне чрезвычайно нравится, - сказала полковница.

- И как одушевлены ее вечера! - закричал офицер с серебряными эполетами, - не видишь, как время летит.

- Это правда.

Онагр подошел к пьльцам, за которыми сидела дочь полковника.

- Вы изволите вышивать?

- Да, я вышиваю.

Она отвечала, не отводя глаз от канвы.

- Прекрасный узор!.. Вы прошедший раз уехали с бала тотчас после мазурки?

- Кажется.

Онагр повертелся около пьльцев и отошел в сторону. Добродетельный старичок с огромным ртом взял шляпу и подошел к ручке полковницы.

- Филипп Иваныч, что это значит? Куда вы? Пожалуйста сюда вашу шляпу: я ее арестую, я действую по-кавалерийски; от старых привычек отстать трудно, - как хотите, а вы с нами обедаете, - и не думайте уходить - не пущу, ей-богу, не пущу!

Голова добродетельного человека покачну-
лась на его недвижимом туловище, и он подал
шляпу полковнику.

- А вы, господа? - Полковник обратился к
офицеру и к Онагру: - Надеюсь, что вы не от-
кажетесь от моей лагерной кухни.

Девушка взглянула на отца, как будто хо-
тела спросить его: "К чему это?"

Офицер с серебряными эполетами закри-
чал:

- С большим удовольствием! Я зван сего-
дня на два обеда, - ну, да я не поеду туда.

Онагр хотел было отказаться. Полковник
подошел к нему:

- Хотите быть со мной по-приятельски, по-
военному?

- Если вы позволите.

Онагр оборотился к окну, где стояли пяль-
цы.

- В таком случае: слушай! скорым шагом
марш в залу, шляпу оставить там - налево
кругом - и назад. Вольно!.. Так, славно, - люб-
лю за это. Мы, батюшка, попросту, как види-
те, по-военному, прошу не взыскать.

- Шутник! - сказала полковница про своего

мужа, обращаясь к добродетельному человеку.

Добродетельный человек открыл рот до ушей, то есть улыбнулся, и произнес:

- Так требует военная дисциплина-с. Девушка встала из-за пялец и вышла из комнаты.

"Слишком робка, - подумал Онагр, - а талия загляденье и рост отличный; отец немного смешон, а добряк!"

За обедом полковник рассказывал о своей храбрости, о генералах, с которыми служил, о лошадях, на которых ездил, критиковал планы Наполеона, показывал его ошибки, толковал, как и что ему надлежало делать, и беспрестанно повторял: "мы, старые кавалеристы" и "у нас, у старых кавалеристов". Военные анекдоты полковника были очень забавны. Все слушали его с большим вниманием и смеялись; одна дочь его, казалось, не принимала участия в этих рассказах...

С этого дня Онагр стал беспрестанно ездить к полковнику и беспрестанно поглядывать на его дочь, и полковник довольно часто начал посещать Онагра и поглядывать на его

лошадей. В доме полковника не произошло никаких перемен: дочь его была робка по-прежнему; в конюшне Онагра делались улучшения с каждым приездом полковника.

Люди Онагра громко начинали поговаривать, что барин их женится на дочери полковника. И для самого барина эта мысль незаметно становилась доступнее и правдоподобнее... Бархатный капот, Невский проспект и девица с черными локонами - эти три предмета составляли что-то нераздельное в его воображении. Ему смутно представлялся иногда ряд прекрасно меблированных комнат, в которых он и супруга его принимают господ в звездах и орденах и госпож в нарядных чепцах и мантильях; он видел иногда двух лакеев с гербами сзади своей кареты; ему казалось иногда, что он сидит возле супруги своей, и целует ей ручку, и играет ее черными локонами, и...

"Робость ее пройдет; это вздор, - говорил он самому себе. - К тому же я ее буду беспрестанно вывозить... В свете заговорят о моей квартире, о моих балах, о моей жене, о моем экипаже. Весело быть женатым! А Маша? и она

мила и влюблена в меня по уши. Что за беда? Я буду ездить и к Маше..."

Онагр заехал в магазин и купил Маше золотую брошку.

Возвратясь от нее поздно вечером, он был обрадован запиской Дмитрия Васильича:

"Дело слажено, любезнейший Петр Александрыч. Поздравляю вас: его превосходительство Илья Иваныч объявил мне сегодня, что вы определены чиновником особых поручений при департаменте с двумя тысячами рублей оклада. Вы очень понравились его превосходительству. Он говорит, что у вас много приятности в манерах. Чиновник, мною рекомендованный вам в управляющие над деревнями вашими, согласен на условия, которые я предложил ему от имени вашего. Вы будете им довольны, в этом я уверен. Послезавтра он будет у вас, а я приготовлю ему инструкцию. Отправится же он в деревню через неделю.

Капитал ваш наконец я устроил: вы будете аккуратно получать от меня по пяти процентов. И это выгодно при нынешних обстоятельствах. Сколько хлопот мне было с этими

деньгами!

Одно расположение к вам заставило меня взяться за такое дело. Что вы нас совсем забыли?"

На другой день Онагр рассказывал всем своим приятелям, что он по особым поручениям при министре и что ему назначено шесть тысяч рублей жалованья. Офицер с золотыми эполетами, выслушав его, плюнул и сказал:

- Черт тебя возьми, братец! да ты, видно, в сорочке родился! Богач - и еще такое жалованье.

Онагр блаженствовал; он делался идолом петербургской молодежи средней руки, которая с него начинала снимать моды, и преувеличенные слухи о его богатстве и счастье перелетали с быстротою невероятною из Коломны на Остров в Четырнадцатую линию, из

Грязной к Смольному монастырю. О нем стали даже рассуждать на Петербургской стороне и на Выборгской...

К довершению всего он дал великолепный обед почетным своим знакомым, во главе которых находились: его новый директор, пол-

ковник и Дмитрий Васильич Бобынин. Этот обед, как и должно было ожидать, произвел на всех гостей глубочайшее впечатление.

Прошел месяц... Дочь полковника не переставала рисоваться в его фантазии, и в одно прекрасное апрельское утро, когда солнце показалось на светло-сером петербургском небосклоне для обсушки, вероятно, грязных петербургских улиц, - он ударил себя в лоб очень решительно, сел в коляску и отправился к полковнику.

Никогда еще так рано не выезжал Онагр из дома.

В кабинете полковника он пробыл около часа и вышел оттуда светлый и радостный.

Полковник три раза поцеловал Онагра и произнес с особенным выражением, провожая его:

- Мое слово важнее. Я старый кавалерист. У меня в доме заведена дисциплина, как в полку... Прощай, друг любезный, будь покоен; да накажи кучеру-то, чтоб берег Красавца и хорошенько чистил его. Васька твой большой лентяй! Ты, брат, с ним действуй по-нашему, по-военному...

Онагр прискакал домой и прямо к письменному столу; он написал:

"Любезнейшая маменька!

Я давно хотел уведомить вас о моих чувствах к дочери генерала Змеева, но откладывал, потому что сам желал в них удостовериться. Теперь я вижу, что люблю ее страстно и что без нее для меня жизнь ничтожна. Она также влюблена в меня и говорит, что с самой первой минуты, как увидела меня, участь ее была решена. Сейчас получил согласие на брак с нею от ее родителей. Через этот брак я породнюсь со многими самыми знатными лицами в Петербурге. Милая, любезнейшая маменька, целую ваши ручки, на коленях прошу вашего благословения и жду с нетерпением ответа... Вашу будущую дочку зовут Ольгой

Михайловной; она брюнетка и красавица.

О месте, которое я получил, и об обеде, который был у меня, я уже писал вам. Свадьбу я не хочу откладывать: чем скорей, тем лучше. Не приедете ли вы, неоцененная маменька, сами в Петербург? Еще раз целую ваши ручки. Остаюсь ваш покорнейший и послушней-

ший сын Петр Разнатовский".

ГЛАВА VIII

Семейные сцены. - Доказательство, что добродетельные люди очень полезны. - Жених и невеста

Полковница взяла чулок; дочь ее занималась каким-то шитьем. Полковник вошел к ним. Он посмотрел на дочь с улыбкою, расправил усы носовым платком и два раза молча прошелся по комнате.

- А у меня новость, - сказал полковник, остановись торжественно посередине комнаты и сложив руки на груди по-наполеоновски.

Мать и дочь взглянули на него. На лице матери выражалась робость и покорность, на лице дочери беспокойство.

- Важная новость! - продолжал полковник, - тебе, старухе, не отгадать; ну, а ты не отгадаешь ли, Оленька?

- Что такое, батюшка? - Она отложила свою работу в сторону.

- Отгадай.

- Вы знаете, что я до сих пор не умела отгадать ни одной вашей загадки.

- Гм! эту загадку тебе легче всего отгадать, дурочка. Вы, девушки, мастерицы разбирать такого рода загадки. Моя новость касается до тебя.

- До меня? Она вздрогнула.

- И очень... Поздравляю тебя с женихом, а тебя (он оборотился к жене) с дочерью- невестой.

- Как это, Михайло Андреич? - спросила полковница, вытаращив глаза.

Краска вдруг исчезла с лица девушки.

- Батюшка, вы шутите?

- Какие шутки! тут не до шуток: жених твой только с полчаса от меня вышел.

- Мой жених? Она рассмеялась.

- Что ты, притворяешься или в самом деле не веришь? Я дал за тебя слово (полковник сделал ударение на слово) Петру Александрычу. Будто ты и не заметила, что он давно тебе строит куры? Ох, уж вы мне, скромницы!

Девушка сомнительно посмотрела на отца и на мать.

- Что же вы обе смотрите на меня, как на

сумасшедшего? Порастряхни-ка, голубушка, из сундуков дочернее приданое. В солнечные-то дни его и проветрить бы недурно... Ну, поди ко мне, Оленька, поцелуй меня... Ты одержала победу, и славную, черт возьми! А после победы мы затеем праздник - свадебку... Поди же ко мне.

Она молчала.

Лицо полковника хмурилось; он заложил руки назад и бил такт ногою.

- Подойди же к папеньке, - сказала полковница, качая головою, - поцелуй его... Я еще и сама образумиться не могу... Он сейчас приезжал к тебе, Михайло Андреич, с предложением?

- Сейчас, сейчас - говорят вам, сейчас, и я дал слово, слышите ли? Лучше этой партии желать ей нечего: он малый добрый, собой недурен, с большим состоянием, любит ее, - да это клад для нас; ты знаешь, Дарья Николаевна, какие у нас нынче доходы-то: пять, шесть, семь тысяч, да и обчелся; попробуй-ка прожить с этим в столице.

- Правда твоя, правда твоя... - Полковница вздохнула.

- Конечно, я желал бы ей мужа военного, кавалериста, но где теперь взять военных?

Что такое нынешние военные? "Жомини да Жомини, а об водке ни полслова". - Полковник махнул с огорчением рукой.

- Поздравляю тебя, друг мой милый Оленька, - сказала полковница, подходя к дочери с распростертыми объятиями и со слезами на глазах.

Девушка отшатнулась от нее.

- Что это значит? - закричал полковник.

- Что это значит? - повторил он. Полковница пришла в величайшее замешательство.

- Батюшка! - сказала девушка неровным голосом, - батюшка, вы напрасно давали за меня слово. Я не могу выйти за него замуж.

- Не можешь? Я напрасно давал слово?.. С кем вы говорите, сударыня?.. Вы забыли, что перед вами стоит отец. Знайте, что слово мое - слово старого кавалериста. Мы никогда не изменяем ему. Каприз девочки не заставит меня сделаться бесчестным человеком на старости лет.

Испуганная полковница делала какие-то знаки дочери, но она не замечала их и повто-

рила твердо и решительно:

- Я не могу выйти за него замуж.

- А почему бы это так?

- Потому что я не люблю его и не могу любить.

- Вы еще сами, сударыня, не знаете, кого вам надо любить и кого не надо; об этом вы лучше бы спросили отца и мать: они поопытнее вас, подальновиднее и людей могут оценить повернее...

Полковник сердито повертывал кисти своей венгерки.

- Уж не пришел ли вам в голову опять этот целкопер, который было повадился ходить к нам в Москве с книжками под мышкой?

Болезненное движение показалось на лице ее.

- Вы, кажется, забываете, что вы дочь заслуженного отца, дочь старого полковника, старого кавалериста, коренного русского дворянина, что вам неприлично и стыдно амуриться с семинаристами... что...

- Батюшка! - произнесла она умоляющим голосом. Полковник большими шагами стал измерять комнату.

- Вот тетушкино воспитание! спасибо покойнице, спасибо! есть чем помянуть...

Он потирал руки.

- Модная, умная, ученая женщина была, внушала покорность родителям!.. Что, по вашему, по нынешнему образованию, родители ничего не значат?

Полковник остановился перед дочерью и ожидал ответа.

Она молчала.

- Завтра после обеда Петр Александрыч приедет сюда. Он станет говорить с тобой, ты должна ему объявить свое согласие. Слышишь ли? Всю дурь из головы выкинь, помолись богу да подумай, он вразумит тебя... Слез чтоб я не видал; женские слезы - вода...

Полковник повернулся на каблуках и вышел из комнаты, поправляя усы носовым платком и ворча сквозь зубы:

- У меня целый полк по струнке ходил, я с целым полком справлялся, передо мною полслова никто не смел пикнуть, а теперь родная дочь... покорно прошу!..

Долго после ухода полковника мать и дочь не могли выговорить ни слова...

Полковница сидела не шевелясь, поддерживая рукою свой подбородок; потом банты на чепце ее пришли в движение, и она обернулась к дочери.

- Так он тебе не нравится, Оленька?

Девушка не отвечала.

- Оленька?

Она подняла голову и тихо отвела от лица волосы.

- Не дурно ли тебе, друг мой Оленька? Ты совсем побледнела.

Глаза девушки с минуту были недвижимо устремлены на мать; вдруг она залилась слезами и бросилась на грудь ее.

- Ведь он добрый, хороший человек, - говорила мать, глотая слезы, - его все хвалят...

Ты привыкнешь к нему.

Она покачала головой...

- А разве он вам нравится?

- Что ж, мой друг! в нем нет ничего дурного.

- Может быть, но мне так тяжело и неприятно, когда он и этот офицер с очками бывают у нас.

- Отчего же?

- Не знаю. Да как же он может любить меня?.. Он меня не знает...

- Как же не знает, Оленька? Последнее время он очень часто бывал у нас и все смотрел на тебя: это и я заметила... Полно! перестань плакать, мой друг.

Полковница поцеловала ее в лоб и пошла к полковнику.

"Нет, - думала она, - я не могу ее утешить, а ей надобно утешение; так нельзя оставить ее". Робко подошла она к мужу. Он сидел на больших креслах и задумчиво крутил усы.

- Что? образумилась ли она, Дарья Николавна?

- Плачет. Знаете ли, Михайло Андреич, я все думаю, не послать ли нам за Филипсом

Иванычем: он человек добродетельный. Пусть он подаст ей советы и утешит ее.

- Это не мое дело, это ваше бабье дело: что хотите делайте, только завтрашний день она должна объявить жениху согласие. Я дал слово, - а я старый кавалерист... Ну, да что толковать об этом... Я думал, что обрадую ее моею новостью. Я не знал, что она такая взбалмошная, избалованная. Скажи ей, чтоб она пом-

нила мое приказание!

Полковница написала к Филиппу Иванычу записку, в которой убедительно приглашала его приехать к ним.

Добродетельный человек тотчас после обеда явился.

- На вас вся моя надежда, Филипп Иваныч, - начала полковница, встречая его, - у нас в доме большое горе.

- Что такое? Помилуйте-с, если я могу чем помочь, то я сочту себя счастливым: это долг христианский.

Полковница объяснила ему все и умоляла его принять участие в их положении и уговорить дочь не противиться отцовской воле.

Филипп Иваныч провел рукою по лицу.

- Это обстоятельство важное-с. По вашему желанию-с, я постараюсь, как умею-с, объяснить ей положение ее и подать ей советы-с. Позвольте-с мне поблагодарить вас за вашу доверенность ко мне.

- К кому же, Филипп Иваныч, как не к вам, адресоваться в таком случае!

Рот добродетельного человека приятно расширился да ушей.

- А где же Ольга Михайловна-с?

- Пойдемте к ней. Я предупредила ее о вашем посещении.

Добродетельный человек подсел к девушке и целый час без остановки говорил ей о покорности, о смирении, о том, какая награда ожидает послушных детей в будущем мире и какое наказание готовится не повинующимся воле родительской, о том, что родители всегда желают детям своим счастья, что нам дана воля для того, чтоб мы обуздывали наши желания и беспрекословно повиновались во всем старшим.

Когда он ушел, бедная девушка упала на диван без памяти.

Полковник весь вечер не выходил из своего кабинета.

На другой день она пришла к отцу, объявила, что повинуется его воле, зашаталась и упала. Ее подняли, оттерли и посадили в кресла. Полковник пожал ей руку и сказал:

- Полно, полно дурачиться, Оленька. Ничего; все обойдется; ты его полюбишь, я знаю.

Мы с женой останемся жить в Петербурге, будем к вам беспрестанно ездить... Поцелуй

меня; я человек военный, старый кавалерист, привык к дисциплине, к порядку, оттого строг немножко... что делать? уж наша служба такая. Поезжай-ка с матерью в магазины, порассейся немножко да к вечеру будь повеселее.

Вечером приехал Онагр. Он был наряднее, чем когда-нибудь: в новом галстуке, в новой жилетке, с новой шляпой, весь пропитанный духами. Его оставили одного с невестой.

Несколько запинаясь, объявил он ей о своих чувствах и ожидал ее решения.

Она отвечала, что не противится воле своего отца.

Он поцеловал ее ручку и хотел ей говорить еще что-то, но она встала со стула и вышла из комнаты.

Онагр поправил свои волосы, посмотрел в зеркало и, любуясь талией своей невесты, последовал за нею.

Госпожа Бобынина каким-то образом в этот же вечер подробно, впрочем, с небольшими прибавлениями и изменениями, узнала об удачном сватовстве своего бывшего обожателя и нарочно поехала сообщить это важ-

ное событие госпоже Горбачевой; госпожа

Горбачева на следующее утро чем свет от-
правилась с новостию к вдове Калпинской;
вдова

Калпинская к госпоже Неврёзовой, госпо-
жа Неврёзова... и так далее.

Офицер с серебряными эполетами прибе-
жал к Онагру:

- Ты женишься, мон-шер?

- Женюсь.

- Что это тебе вздумалось?

- Да так, братец; признаться, надоела холо-
стая жизнь.

- И прекрасно, мон-шер; а знаешь ли, этим
ты мне обязан: я тебя представил в дом; без
меня, может быть, ты и не женился бы. По-
здравию, мон-шер, поздравляю, очень рад;
возьми меня в шаферы: я люблю, когда же-
нятся... Я и сам хочу жениться.

ГЛАВА IX

Заклучение

Онагр в ответ на свое послание к маменьке получил от нее письмо следующего содержания:

"Милый сердцу моему сын, неоцененное сокровище мое. Нет сил для выражения того, как сильно подействовали на меня последние милые строки твои ко мне, где ты говоришь о своих чувствах и просишь моего благословения на брак. Я заливалась слезами, читая твое письмо, и целовала его; выбор, сделанный тобою, приносит тебе честь; благословляю тебя от всего моего сердца и желаю тебе счастья, коего ты вполне достоин, как прекрасный сын, и я всю жизнь мою должна гордиться моим рождением. Милую невестку мою обнимаю заочно, прошу ее любви и целую ее, моего ангела. Скажи ей, что я уже несколько раз видела ее во сне, будто я сижу у вас в гостях, а она, моя родная, наливает кофе и подает мне чашку.

Свекровь - имя страшное, но жена твоя, друг мой Петенька, говорю тебе заранее, будет для меня не невесткой, а родной дочерью, еще милее. Я, не зная ее, уж люблю не менее тебя, - что же будет, когда я ее узнаю?.. Прошу тебя, сердце мое, отрекомендовать меня их превосходительствам ее папеньке и маменьке и попроси их, чтоб они приняли меня в свое родственное расположение. Я все не очень здорова; к свадьбе не ждите меня; сыграйте свадьбу без меня; уведомять только, которого числа она будет, в этот день я стану молиться за вас, мои голубчики. Месяца через полтора я надеюсь лично обнять вас и тогда посмотрю на ваше счастье.

Управляющий, рекомендованный тебе Дмитрием Васильичем, еще не прибыл в твою деревню. Бога ради, не полагайся слишком на Дмитрия Васильича: он себе на уме и может воспользоваться твоею неопытностью. Не опрометчиво ли поступил ты, отдав свой капитал в его руки? а попусту убытчиться и нанимать управляющего также, по моему мнению, тебе не следовало: сосед мой, Семен Никифорович Колпаков, с удовольствием бы

взялся управлять твоим именем и без всякого возмездия; он известен у нас своим благородством и примерною честностию; а этот еще каков будет. Подумай об этом, дружочек, нельзя ли это дело поправить? Вторично благословляю тебя, а милую мою Ольгу Михайловну обнимаю".

Около половины мая квартира Онагра, нанятая им за пять тысяч рублей в год, была окончательно омеблирована Туром; дача приискана; парадная карета с гербами готова.

Незадолго до свадьбы к нему явился ростовщик Шнейд с различными предложениями; ростовщик в этот раз кланялся и изгибался перед Петром Александрычем, а Петр

Александрыч очень холодно и гордо обращался с ним; однако визит ростовщика не обошелся

Онагру даром, он купил у него двухтысячные канделябры.

Наступил и день свадьбы...

Часу в девятом вечера на паперти одной из старинных петербургских церквей толпился народ, и экипаж за экипажем подъезжал к церкви.

Жених, окруженный своими гостями, в мундире чиновника особых поручений, в шелковых чулках, в башмаках с блестящими пряжками и в белом накрахмаленном галстуке, ожидал невесты. Возле него величаво стоял посаженный отец, его директор, также в мундире, с лентой через плечо и со звездой, а позади директора Дмитрий Васильич Бобынин... Офицер с золотыми эполетами и офицер с серебряными эполетами, шаферы Онагра, бегали по церкви, наполненной любопытными, и высматривали хороших.

Церковь была в полном освещении.

"Невеста! невеста!" - вдруг раздался шепот, и все пришло в движение, и все головы заколебались...

Дорога от дверей к алтарю очистилась... Появился белокурый мальчик, кудрявый и румяный, с образом... За ним она, а за нею разряженные девицы и дамы и добродетельный человек с огромным ртом, в мундире, в ленте и со звездой.

Ее поставили на атлас рядом с женихом и дали им в руки венчальные свечи.

Когда церемония кончилась, священник

приказал поцеловаться молодым; затем они приложились к образам. Начались поздравления. Цветы и брильянты, румяна и белила двинулась к молодой: и Катерина Ивановна Бобынина, и Елена Сергеевна Горбачева, и вдова

Калпинская, и все, и все... Наконец молодую повели к карете.

Молодой улыбался и перешептывался с своими шаферами...

- Что это, как Ольга Михайловна бледна, мон-шер? - говорил офицер с серебряными эполетами при разъезде. - Здорова ли она?

- Слава богу, братец, - отвечал молодой, - она у меня скоро поправится. Ничего! и румянец на щечках заиграет...

Офицеры перемигнулись между собою и сказали почти в одно слово:

- Счастливец, мон-шер, счастливец! - и погрозили молодому, улыбаясь выразительно.

Гул карет замер в отдалении. Толпа разбрелась в разные стороны. У церковной ограды стояли только две женщины в салопах - одна молодая, другая пожилая.

- Знаете ли, Матрена Петровна, ведь сва-

дѣба-то была скучная? - сказала молодая.

- Уж не говори, Настенька. Признаюсь! нечего было и смотреть, - возразила пожилая.

- Сказали, что невеста красавица, а она просто выглядит, как мертвец в гробу.

- Заметили вы, Матрена Петровна, что она, сядясь в карету, оступилась?

- Да, да! скажите, пожалуйста! ведь это предурная примета, Настенька? я видела, что и свеча-то ее гораздо короче жениховой.

- Прощайте, Матрена Петровна, заходите к нам..

- Прощай, Настя.

Они поцеловались...

Начинал накрапывать мелкий весенний дождик; распустившиеся листочки на деревьях, окружавших ограду, разливали в теплом воздухе благоухание, и огненные полосы, тянувшиеся по небу от запада, потухали.

**This file was created
with BookDesigner program
bookdesigner@the-ebook.org
20.06.2008**